

Семейные фотографии тувинцев сквозь десятилетия

Чимиза К. Ламажаа

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,

Шенне Б. Майны

Тувинский государственный университет;

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Российская Федерация

Статья посвящена анализу семейных фотографий тувинцев, запечатленных в течение столетия — от 1920-х до 2020-х годов. В рамках визуальных и этнокультурных исследований авторы рассматривают семейную фотографию как уникальный историко-культурный источник, отражающий социокультурную динамику, трансформацию семейных традиций, норм и репрезентаций в Туве. Материалом для исследования послужили архивные и частные фотоколлекции, фотографии, опубликованные в СМИ Тувы, записи семейных историй, собранных в ходе экспедиционной работы в 2022–2024 гг.

Анализ осуществлялся на основе теории Р. Барта о денотативном и коннотативном значениях фотографий. Методы включают визуальный анализ, сравнительно-исторический подход, а также элементы семейной истории и микроистории. Это позволило проследить изменения в фотообразах, сюжетах и эстетике изображений, связанные с разными волнами модернизации, урбанизации и переходом к цифровым технологиям.

Семейная фотография в Туве отражает ключевые этапы этнокультурной модернизации: в довоенные десятилетия фотографии преимущественно фиксировали ритуальные моменты, родственные связи и традиционный быт; с середины XX века проявились новые сюжеты, акцент сделан на выделение нуклеарных семей, новые формы праздничной культуры, подчеркнутое соответствие советским нормам. С конца 1990-х годов и в XXI веке доминируют цифровые образы, расширяется жанровый диапазон и обозначается стремление к визуализации этнокультурных символов, демонстрации этнической идентичности и наличию большой семьи в несколько поколений.

Выявлена роль семейных фотографий тувинцев в формировании коллективной памяти и идентичности, проанализировано развитие жанра как феномена, сопряженного с изменением социальных практик, структуры семьи и представлений о бытовом и праздничном облике тувинцев.

Ключевые слова: тувинцы; история Тувы; семейная фотография; XX век; советская история; репрезентация; фотографирование; этничность; национальная одежда; повседневность; семья

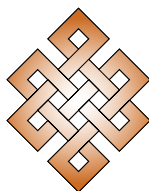
Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Майны Ш. Б. Семейные фотографии тувинцев сквозь десятилетия // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 137–175. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.9>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

Майны Шенне Борисовна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета; магистрант кафедры культурологии Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Адреса: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В; 677013, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58. Эл. адрес: shenne85@mail.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Family Photographs of the Tuvans Across Decades

Chimiza K. Lamazhaa*Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,***Shenne B. Mainy***Tuvan State University; M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Russian Federation*

The article analyzes family photographs of Tuvans taken over various periods, from the 1920s to the 2020s. The authors regard family photographs as a unique historical and cultural source reflecting sociocultural dynamics, the transformation of family traditions, norms, and representations in Tuva. The study draws on archival and private photo collections, photographs published in Tuva's mass media, and records of family histories collected during field expeditions from 2022 to 2024.

The analysis is grounded in R. Barthes' theory of denotative and connotative meanings of photographs. The methodology incorporates visual analysis, a comparative-historical approach, and elements of family history and microhistory. This enables the researchers to trace changes in photographic imagery, narratives, and aesthetics associated with successive waves of modernization, urbanization, and the transition to digital technology.

Family photography in Tuva reflects key phases of ethnocultural modernization: in the prewar decades, photographs predominantly recorded ritual moments, kinship ties, and traditional ways of life; since the mid-20th century, new subjects have emerged, with an emphasis on nuclear families, new forms of festive culture, and pronounced conformity to Soviet norms. From the late 1990s and into the 21st century, digital images dominate, the genre range expands, and an explicit aspiration emerges toward visualizing ethnocultural symbols, showcasing ethnic identity, and displaying large multigenerational families.

The study identifies the role of Tuvan family photographs in shaping collective memory and identity and examines the development of the genre as a phenomenon linked to shifts in social practices, family structure, and conceptions of everyday and festive appearances of the Tuvans.

Keywords: Tuvans; history of Tuva; family photography; 20th century; Soviet history; representation; photographing; ethnicity; national costume; everyday life; family

For citation:

Lamazhaa Ch. K. and Mainy Sh. B. Family Photographs of the Tuvans Across Decades. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 137-175. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.9>

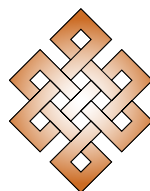

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Scientific Research Institute of Tur-kology and Altaic Studies, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71/27 al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID: 0000-0003-1813-3605

MAINY, Shenne Borisovna, Candidate of Cultural Studies, Senior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguocultu-
rology, Tuvan State University; Master's Student, Department of Cultural Studies, North-Eastern Federal University named after
M. K. Ammosova. Postal addresses: 9/B, Mongush Sat St., 667000 Kyzyl, Russia; 58 Belinskogo St., Yakutsk, Russia, 677013. E-mail:
shenne85@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9106-2148

Введение

Практически у каждой семьи есть своя история, которая нашла свое отражение в фотографиях, размещенных в семейных фотоальбомах или в рамках на видных местах дома, в том числе на стенах. Для тувинцев традиция семейных фотоальбомов, как мы писали, стала также естественным продолжением традиции ритуальных уголков в юртах (Ламажаа, Майны, Кужугет, 2024). Эта традиция содержит память о членах семей; она выражает чувство единения в семье, с большим родственным кругом (Нуркова, 2006: 93–94). Интерес к семейной теме сегодня в Туве также приобрел общественный характер: стали популярны всевозможные конкурсы¹; проводятся фотосессии с приглашением фотографов разной квалификации; создаются специальные фотоальбомы, в том числе в виртуальной форме.

Visual studies сегодня бурно развиваются и включают целый спектр тем, в том числе изучение семейных фотографий, семейных фотоальбомов (Gillian, 2003; Sandbye, 2014; Круткин, 2005; Нуркова, 2006; Штомпка, 2007; Печурина, 2007, 2010; Чалфен, 2010; Пригарин, 2011; Визуальная антропология..., 2009, 2012; Паштекова, 2015; Абилова, 2015, 2022; Никитина, Никифорова, 2020; и др.). Но тувиноведение только начинает осваивать подобные темы (Сергеева, Четырова, 2022; Эфендиева, 2023, 2024; Ламажаа, Майны, Кужугет, 2024; Черняева, 2025; и др.²).

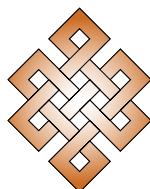
Хотя мы уже анализировали семейные фотоальбомы тувинцев (Ламажаа, Майны, Кужугет, 2024), неотъемлемой частью которых являются семейные фотографии, тем не менее значение последних заключается не только в том, чтобы составить симулякр большой, определенной семьи под единой обложкой. Сами семейные фотографии можно рассматривать как еще один источник для восстановления истории Тувы и ее жителей, причем с той стороны, которая пока не вошла в поле внимания историков. То есть они могут выступать как самостоятельные источники не семейной, а социальной истории.

Если история Тувы официальная, политическая, событийная, история социальных институтов — много изучается специалистами, то история повседневной жизни людей остается за рамками их внимания, хотя в целом это направление исследований в мировой и российской науке развивается с 1990-х гг. (Штомпка, 2009; и др.). Помимо всех прочих общих функций, которые семейные фотографии выполняют и которые уже изучены исследователями, они могут показать нам новые интересные страницы истории (Hudgins, 2010), социальные и культурные практики (Рождественская, 2008). При этом мы можем также увидеть детали истории Тувы в переплетении с историей советского государства, истории того как тувинцы теряли визуальные символы этнической культуры, становились советскими людьми, затем теряли «советскость» и снова возвращали символы тувинской идентичности.

Мы говорим именно о фотографиях этнических тувинцев, поскольку обращаем внимание на важный аспект, который они могут выражать — этничность. Фотоснимки тувинцев, которые делались в разные годы, показывают нам определенные периоды состояния этничности, т. е. проявления чувств этнической принадлежности, выраженных в одежде и пр. (Калачева, 2012; Pandey, 2016; Чжан Жуян, Забияко, 2019; Смирнова, Киссер, 2020; Базаров, Дашибалова, 2021). Помимо вопросов презентации этничности, фотографии семей позволяют увидеть и некоторые вопросы родственных отношений у тувинцев, особенностей повседневной жизни (досуг, праздники), повседневной моды.

¹ Фотопамять: история семьи — история Родины [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2004. № 15. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2004/15/969-fotopamjat-istorija-semi-istorija-rodiny.html> (дата обращения: 10.09.2025); В Туве объявлен фотоконкурс на самые красивые улыбки со смолкой «Саат» [Электронный ресурс] // ИА Тува-онлайн. 2021, 9 июня. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2021/06/09/v-tuve-obyavlen-fotokonkurs-na-samyie-krasivye-ulybki-so-smolkoj-saat.html> (дата обращения: 10.09.2025); Жителей Тувы приглашают принять участие в международном фотоконкурсе национальных костюмов [Электронный ресурс] // ИА Тува-онлайн. 2024, 3 марта. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2024/03/03/zhiteley-tuvy-priglasayut-prinyat-uchastie-v-mezhdunarodnom-fotokonkurse-nacionalnyh-kostyumov.html> (дата обращения: 10.09.2025) и др.

² Сангы-Бадра Р. Н., Сымчан-оол К. А. Свадебная обрядность в семейных фотографиях тувинцев // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: Материалы V-ой международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, Кызыл, 26–29 июня 2018 года. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2018. С. 33–34; Монгуш Л. К. Коллекция фотоматериалов в составе архива И. У. Самбу в собрании Национального музея Республики Тыва // Ермолаевские чтения. 2022. С. 23–27.

Фотографии, как писал французский философ Р. Барт, это не просто изображение, а непосредственное свидетельство, неопровержимый очевидец реальности (Барт, 2011). Она всегда соприродна своему референту, то есть объекту, который была призвана запечатлеть, и неразрывно с ним связана. При этом фотография несёт на себе «сообщение без кода», имеет денотативное значение (просто регистрацию факта) и одновременно передает коннотативное, культурно кодированное сообщение через детали, выбор объекта и ракурса. Пока даже известные научному знанию фотографии прошлого Тувы рассматривались практически только в первом, денотативном значении, а вот коннотативное — почти не обсуждалось.

Поэтому в данной статье мы анализируем семейные фотографии тувинцев, жителей Тувы, на протяжении века, начиная с 1920-х гг. и до 2020-х гг., рассматривая их и денотативное значение, и коннотативное, согласно концепции Р. Барта, активно используемую для антропологического анализа фотографий (см., напр.: Романов, Ярская-Смирнова, 2007). Объектом нашего исследования выступают фотографии, на которой есть члены семьи (жених и невеста, супруги, родственники разных поколений, в том числе с детьми), предметом — содержимое фотографий как регистрация фактов и та социокультурная информация, которая присутствует в определенных элементах. В общей концепции семиотики Р. Барта, в рамках которой автор трактовал фотографии, есть термин «лексия изображения» (от лат. *lectio* 'чтение') (Барт, 1989: 313), которое мы считаем удачным для понимания каждой смысловой единицы визуального сообщения, каждого «смыслового кусочка»: фрагмента композиции (например, положение руки персонажа), элемента символики (крест, знамя, корона) или целого «кадра» внутри более крупного визуального нарратива. По лексиям фотографию можно не просто разглядывать, видеть объекты и их расположение, но и трактовать изображение, соотносить с определенной исторической, социокультурной ситуацией в Туве тех лет. Поэтому наше внимание обращено и на факты, и на визуальные лексии.

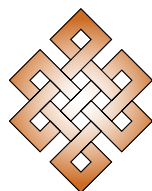
Междисциплинарное исследование, базирующееся на концепции Р. Барта (Барт, 1989, 2011), а также подходах визуальных антропологов, использует в том числе методы исторических исследований, этнографии, социологии.

В качестве материала нашего исследования мы выбрали фотографии трех типов источников. Во-первых, мы изучили многочисленные фотографии, которые приводятся в биографических интервью жителей Тувы местной газеты «Центр Азии» (1991–2017), опубликованные в шести томах книги «Люди Центра Азии»¹. Многие из них присутствуют в других изданиях тувиноведения, особенно начала XX в. Из них мы отобрали те фотографии (283 изображения), на которых изображены тувинцы с семьями (в том числе в межнациональных браках), хранившиеся в их личных архивах и опубликованные газетой как иллюстрации к беседам с владельцами снимков. Важным критерием для нас также были указания года или десятилетия, когда сделаны фотографии². Во-вторых, мы собрали сведения о фотоальбомах и их содержимых у 53 чел. — наших коллег, жителей Тувы, а также попросили это сделать студентов Кызылского колледжа искусств им. А. Б. Чыргал-оола и Тувинского государственного университета³. Поскольку в семейных архивах наиболее ранние фотографии за редким исключением относятся в основном, к 1950-м годам, то для полноты картины, в-третьих, мы обратились к архивным фотографиям тувинцев начала XX в.: 1) хранящимся в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва

¹ Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1; Люди Центра Азии. Кызыл, 2001. Т. 2; Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3; Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антуфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков; Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков; Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2018. Т. 6. 52 интервью и очерка; Избранное из первого тома: 21 очерк и интервью. Об источниковой ценности данных материалов мы писали ранее (Ламажаа, Туймебаев, Шагимгиреева, 2024).

² При этом мы не рассматривали фотографии групповые рабочие (коллег), учебные (одноклассников, одноклассников), дружеские; старались не брать фотографии, сделанные специально журналистами для интервью. Единственной проблемой с данными фотографиями стало то, что, поскольку публиковались на газетных полосах, то они переводились в формат черно-белых изображений, даже если были цветными, т. е. теряли свой цвет, а значит и некоторые визуальные лексии.

³ Вся собранная информация и отдельные фотографии изучались и используются с согласия их владельцев.

(далее — НМ РТ)¹; 2) открытые цифровые фонды Национального архива Республики Тыва, в которых содержится в том числе альбом В. П. Ермолаева 1930 г., посвященный быту тувинцев²; 3) фотоальбом «Черно-Белая Тува», выпущенный в 2010 г.³

На наш взгляд, содержимое фотографий, которые мы собрали самостоятельно в итоге (всего — 424 изображений), а также изучали в архивных и опубликованных источниках, довольно четко различается по десятилетиям, а в определенные десятилетия наблюдаются некоторые общие черты (при этом безусловно есть и характеристики, которые проходят сквозь несколько десятилетий; есть и нетипичные фотографии в каждой группе).

Поэтому мы результаты представляем в виде анализа фотографий по группам десятков лет: 1) 1920–1940-х гг. (раннее советское время), 2) 1950–1980-х гг. (советские годы), 3) 1990–2000-х гг. (постсоветские годы, рубеж XX–XXI вв.), 4) 2010–2020-х гг. (XXI в.). В итоге сформулируем отмеченные нами тенденции каждого периода и «сквозные», которые видны благодаря такому панорамному взгляду.

Помимо фотографических источников мы также опираемся на материалы наших интервью с тувинцами, которые записывали в 2022–2023 гг. в рамках работы над проектом «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246)⁴, в том числе исследуя тему семейных фотографий (Ламажаа, Майны, Кужутет, 2024).

Семейные фотографии тувинцев 1920–1940-х гг.

История фотографии в Туве (ее появления и развития как определенной отрасли) еще не написана. Поэтому мы можем судить об определенных ее страницах лишь косвенно, опираясь и на публикации других авторов, посвященные смежным вопросам, и на сами фотодокументы с информацией, которую они несут.

Ранние фотографии тувинцев относятся к началу XX в. — ко времени, когда Туву стали посещать научные экспедиции российских этнографов, путешественников (Ф. Я. Кон, Д. Клеменц, Г. Н. Потанин, С. Р. Минцлов, П. Е. Островских и др.)⁵. Фотографии делались для того, чтобы зафиксировать этнографический для гостей быт местного населения или чтобы показать самих приезжих с тувинцами⁶

¹ Надо отметить, что в советские годы, в 1990-е гг. и даже вплоть до недавнего времени в культурных и научных учреждениях Тувы практически не существовало регламентов по использованию изображений из фондов для публикаций. Снимки брались для иллюстраций самых разных изданий без должного соблюдения авторских прав, без указания выходных данных мест хранения и архивов. Ситуацию осложняет также то, что ряд фотографий оказались продублированными, они утратили свои сведения о первоисточниках, что вызывает даже необходимость отдельных исследований (см.: Дыртык-оол, 2013). Поэтому восстановление прав правообладателей, в том числе для того, чтобы получить от них разрешения на использование изображений в ряде случаев представляется задачей не выполнимой. Ряд интересных иллюстраций, опубликованных в газете «Центр Азии» и соответственно в книгах «Люди Центра Азии», мы использовали со ссылкой на саму газету и при любезном согласии ее главного редактора Н. М. Антurfьевой. В таких случаях мы приводим фотографию как часть иллюстрации на книжной странице, т. е. как цитирование. Там, где мы опирались на фотографии из личных архивов, с полученными разрешениями правообладателей, то указаны соответствующие личные архивы. В случае использования фотографий из фондов Национального музея Республики Тыва мы опираемся на полученное письменное разрешение от руководства музея и указываем архивные данные из музейных коллекций.

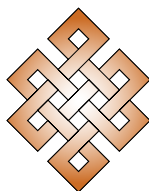
² Дело № 3 / Фонд № 101 [Электронный ресурс] // Нацархив. Спецпроект Национального архива Республики Тыва. URL: https://fond.gosarhivrt.ru/fond_101/delo_3 (дата обращения: 12.09.2025).

³ В данном издании также фотографии выстроены в формате столетней истории Тувы, однако только визуальным рядом, без анализа. Краткие тексты предисловия и вводных слов к разделам по периодам, в том числе подписей даны на русском и английском языках: Черно-белая Тува. Незаконченная история ...: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010.

⁴ Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом [Электронный ресурс] // Российский научный фонд. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00246/> (дата обращения: 12.09.2025).

⁵ См. Экспедиции, 1889–1917 гг. // Черно-белая Тува. Незаконченная история ...: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 48–75.

⁶ Минцлов С. Р. Секретное поручение: Путешествие в Урянхай. Фотоальбом. Дневник поездки в Туву в 1914 году. Кызыл: б. и., 2014.

(Сергеева, Четырова, 2022: 185–186; Черняева, 2025). Кстати, до эпохи фотографий, фиксация могла делаться в форме рисунков, гравюр¹.

Интересующие нас фотографии тувинцев в составе семей мы находим в богатых коллекциях первого краеведа республики — первого директора краеведческого музея (ныне — Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва) — В. П. Ермолаева (Монгуш, 2013; Мунге, 2019; и др.). Он в целом считается первым фотографом края, который оставил многочисленные фотодокументы, причем сделанные в разных районах республики (Дугар-Сурун, 2013; Монгуш, 2013; Айыжы, Мандан-Хорлу, Монгуш, 2019; Эфендиева, 2023, 2024; и др.), куда он добирался на своем мотоцикле с коляской, единственном тогда на всю Туву². Его фотоархивы можно назвать результатом поистине подвижнического труда, поскольку фотографирование тех лет было делом в буквальном смысле тяжелым. Надо было носить огромный аппарат со штативом, со стеклянными пластинами, снимать, накрываясь черным покрывалом (Дугар-Сурун, 2013: 19; Долгунцева, Курило, 2022). Поэтому столь ценны фотодокументы, которые сделал Ермолаев не только в разных местах Тувы, но и по разным сторонам жизни населения.

Из материалов Национального музея Республики Тыва мы можем рассмотреть в первую очередь две фотографии В. П. Ермолаева (*фото 1* и *фото 2*), как наиболее характерные.

На *фото 1* фотограф запечатлел семью возле юрты: несколько взрослых и детей группой расположились перед своим жилищем. У людей одежда простая, холщевая; у взрослых тувинские национальные халаты по покрою. Женщины с длинными косами (правда, у центральной девушки прическа кажется короткой). Все стараются смотреть в объектив, очевидно по указанию фотографирующего. На переднем плане стоят козлята, принадлежащие хозяйству.

Перейдем от описания денотативных фактов к вопросам коннотативных значений, раскрываемых нам через анализ лексий. Это показывает нам, что людей оторвали от нескончаемой череды забот, все явно вышли и собрались у юрты по просьбе фотографа. Отметим несколько очевидных визуальных лексий.

По взлохмаченной голове крайней слева стоящей женщине, которая смотрит исподлобья, очевидно, что она не знает, для чего им надо стоять: фотографирование — для многих тувинцев тогда было незнакомым делом. Но центральная возвышающаяся женщина имеет короткую стрижку, что указывает на влияние новых, революционных практик, когда женщины стали стричься. Третья женщина еще имеет длинные волосы, тем не менее, она, как и центральная, смотрит в объектив прямо. То есть женщины по разному выглядят, как бы представляя женщин с разными убеждениями, информированностью, что в те годы было не удивительным. Жизнь менялась стремительно и людям приходилось приспосабливаться к изменениям по разному.

Мужчины все сидят на земле. При этом двое молодых мужчин приняли традиционную позу *sөгед олурары* — тело немного боком, левая нога подогнута, правая в колене согнута, — которая считается необходимой для домашней деятельности. Сделаем предположение, что это главные работники хозяйства. Сидящие в центре мужчины с детьми на коленях — уже старшее поколение.

Для всех детей позирование кажется более скучным и не понятным занятием, их лица скучающие, не понимающие смысла сидения на одном месте. (Примерно также ведут себя дети с фотографии «Старшие дети нянчатся с младшими» 1916 г. или отчаянно зевающий ребенок на руках у матери — супруги Амбын-нойона на фото 1903 г. из фотоальбома «Черно-Белая Тува»³).

Сама юрта бедная, что видно по ее покрытию. Тем не менее ее хозяйева не нищие, поскольку одежда — национальные халаты — целые, не рваные. Дети одеты в рубашки, кто-то и без штанов.

¹ Одна из таких — «Привал в долине реки Малый Алаш» — по итогам поездки натуралиста Н. Радде в Туву по поручению Русского географического общества в 1859 г. представлена: Черно-белая Тува. Незаконченная история ...: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м.: Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 54. См. также гравюры на странице 55 данного фотоальбома.

² Рачковский В. Бог благословил учиться // Тува. XX век. Народная летопись. Кызыл: Республиканская типография, 2001. С. 68.

³ Черно-белая Тува. Незаконченная история ...: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м.: Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 17 и 19.

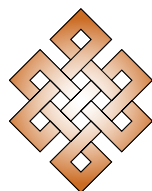

Фото 1. Семья арата возле юрты около с. Черби, 1930 г.

Фото В. П. Ермолаева из архива НМ РТ (не имеет архивного номера).

Photo 1. Arata's family near a yurt near the village of Cherbi, 1930.

Photo by V. P. Ermolaev from the archive of the National Museum of Tuva (has no archive number).

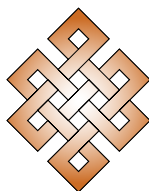

Фото 2. Семья феодала в своей юрте, 1925 г.

Фото В. П. Ермолаева из архива НМ РТ (НМРТ КП-11286/855 Фн-Е-154 № ГК 12659253).

Photo 2. The family of the feudal lord in his yurt, 1925. Photo by V. P. Ermolaev

from the archive of the National Museum of the Republic of Tuva (NM RT KP-11286/855 Fn-E-154 № GK 12659253).

За комбинацией визуальных лексий мы также видим традиционную семью небогатых тувинцев в трех поколениях, которая живет в одной или скорее всего в нескольких соседних юртах и образует хозяйственную единицу — *аал*.

Члены другой семьи (*фото 2*) сняты внутри юрты. Здесь мужчина в центре кадра, две женщины и дети. Все в национальных халатах, даже дети. Во внутреннем убранстве юрты видны предметы быта, в том числе шкафчики, а также *дөр* — сакральное место, алтарь с изображением божества, ритуальные предметы. Все выглядит более респектабельно.

Визуальные лексии этой фотографии указывают нам на то, что перед нами семья зажиточного тувинца, или, как указано в подписи, «феодала». Люди находятся у себя дома, внутри юрты, в привычных позах на полу, как и полагается в юрте, у женщин уложены длинные волосы за спину; дети даже увлечены происходящим, их глаза горят интересом. Данная фотография нередко иллюстрирует в различных изданиях традиционный быт тувинцев, несмотря на то, она явно относится к числу богатых, то есть не типичных семей. Также детали на фоне (ритуальные предметы) указывают нам на религиозность хозяев, чего мы не видели на первой фотографии.

Возможно то, что тувинцы были сфотографированы внутри, а не снаружи, с одной стороны, иллюстрирует и интерес фотографа к богатому убранству юрты, а с другой стороны — это факт, который указывает нам на невозможность «выгнать» состоятельную семью позировать на улицу (фотограф должен принимать высокое социальное положение людей).

При всех различиях, у обеих фотографий есть и общее коннотативное значение. Например, видно, что лица у людей темные, выжженные солнцем, как это бывает у тех, кто много бывает на улице, т. е. у людей, хозяйственный труд которых проходит на природе. Несмотря на некоторые визуальные лексии, свидетельствующие о появлении новаций в быту, снимки показывают настоящий традиционный быт тувинцев-кочевников, только разных по благосостоянию. Все они находятся в настоящих условиях своей повседневной жизни, фотограф приехал к ним и фиксирует их там, где они и живут.

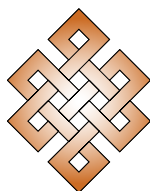
Другие фотографии 1930-х гг. и далее показывают явные изменения в жизни тувинцев. Например, на фотографии 1937 г., также авторства В. П. Ермолаева, которая хранится в архивах Национального музея (НМРТ КП-11286/804 № ГК 12659062), изображена семья арата, живущего в долине р. Баян-Кол (Кызылский район). Все члены семьи группой расположились перед юртой: дедушка сидит на стуле (т. е. мы видим появление стула), рядом дети на земле, а за ними стоят мужчина и две молодые женщины. Несмотря на то, что все взрослые в традиционных халатах *тон*, тем не менее на голове у мужчины кепка, а у женщин весьма модные светлые береты, причем на коротких стрижках.

Далеко не на всех снимках из государственных хранилищ и домашних архивов тех лет можно установить авторство фотографий¹, поскольку они стали делаться в том числе по заказам тувинцев. Фотографы или выезжали к ним, или сами люди приезжали туда, где работал фотограф.

В шести томах книги «Люди Центра Азии» мы отобрали 11 фотографий 1930-х гг. Авторство фотографий не указано. На всех изображены члены семей, большие или малые. Композиции постановочные — люди специально размещены группой — стоят или сидят плечом к плечу, прижавшись, они статичны и в большинстве смотрят прямо в объектив. Тот факт, что большинство фотографий изображают известных деятелей политики и культуры, указывает на их привилегированное положение. Специальное фотографирование семей в те годы было доступно только высшим слоям общества, тем, кто имел собственный фотоаппарат, или тем, кто мог приглашать фотографа.

Например, на фотографии 1931 г. (*фото 3*) изображен член правительства Тувинской Аратской Республики (ТАР) Оюн Данчай (Танчай), в окружении членов семьи: жены, брата, сыновей, дочерей (с младшей дочерью на коленях). Люди сидят уже на стульях, все смотрят в объектив, кроме женщины, которая с тревогой смотрит на маленькую дочку на коленях супруга, очевидно, опасаясь, что та заплачет. Семья находится в помещении — уже очевидно не в юрте, все одеты в тувинские национальные халаты *тон*, кроме мальчиков и малышки.

¹ В. П. Ермолаев не был единственным фотографом в Туве тех лет. Например, в Национальном музее Республики Тыва хранятся негативы 1939–1947 гг., авторами которых указаны, помимо него: «Данзын-оол, Богатырев, Тока, Андреев, Секачев, Табаев, Феоктистов, Гусаков, Карл, Лопсан-Кенден» (Айыжы, Мандан-Хорлу, Монгуш, 2019: 673).

Галина САЙЗУ

Все еще вместе. Слева направо в первом ряду: Оюн Данчэй (брат), Чатар-оол (средний сын), Оюн Джигтмаа (жена), Оюн Данчэй, министр иностранных дел ТАР, на коленях у отца дочь Сай-суу. Второй ряд: Хандыжаа (старшая дочь), Хурбаа (старший сын). Осень 1931 года.

Применить к ним высшую меру наказания уголовного закона ТНР».

4 сентября 1938 года на предприятиях, в учреждениях и организациях состоялись митинги, на которых ответственные работники ЦК партии и правительства сообщили о том, что органами МВД разоблачены враги тувинского народа – контрреволюционная троцкистско-кенденсовская шпионская организация во главе с Чуринг-Дажы, Данчаем и Хемчик-оолом. Это был гром среди ясного неба».

Гром прогремел, и настало время массового страха.

Вчерашние коллеги, друзья, соседи не могли взять в толк: как это улыбающийся и такой простецкий дарга-начальник Оюн Данчэй вместе с товарищами стал в одностороннем порядке врагом народа, да еще казним – шпионом, замаскированным под родную японскую милитаристку?

Никто ничего толком не знал и не понимал. А спросить боялись.

Маленькой Сай-суу так и не суждено было понять, почему любимого отца все называют «шпионом», почему дети перестали с ней играть, и почему в глазах родных поселилась печаль?

Только русские дети не боялись к ней подходить, а их родители жалели бедную сироту.

СИРОТСКАЯ

ДОЛЯ

Дядюшкина телега, натужно поскрипывая, ехала по дороге, увозя их все дальше от родного гнезда.

Теперь в нем будут жить чужие люди. И никто не вспомнит, что еще вчера тут жила их семья, которой больше нет.

Детям Оюна Данчэя не нашлось места в большом городе Кызыле. Старших уволили с работы, было приказано покинуть город с предписанием не селиться вблизи аэро- и населенных пунктов.

Бабушка, крепкая еще старуха, всю дорогу сокрушалась о том, что у детей, глядя на зиму, отобрали теплую одежду, сказав непонятное слово «конфискация». Думала бабушка, что скоро ей на покой, пора «за красной солью» отправляться, так нет – беда нежданная пришла, теперь, пока внуков малых на ноги не поставишь, умирать никак нельзя будет.

Так для Сай-суу, которой не было и десяти, началась сиротская доля. Она скрывала от всех свою тайну о том, что приходила к запретному дому и слушала, как отец пел любимую песню о родной стороне Межгедей. Теперь о нем было принято молчать, даже среди самых близких.

28

Фото 3. Фото Оюна Данчэя с семьей, 1931 г., в книге «Люди Центра Азии», т. 4¹.
Photo 3. Photo of Oyun Danchai with his family, 1931, in the book "People of the Center of Asia", vol. 4.

И в создании первых яслей в Кызыле – тоже ее труд. Вот видите – в ее альбоме сохранились фотографии тех лет: ребяткишки, и тувинские, и русские, их первые воспитатели.

А еще она первые пионерские отряды организовывала. Когда мама в 1982 году снова вернулась жить в Кызыл, Будегечин Конзулакович Будегечнев, он в восьмидесятые годы министром финансов Туvinской АССР руководил, вспоминал, что именно она его в пионеры принимала, и в знак признания ее заслуг очень быстро решил вопрос о персональной пенсии для Александры Георгиевны Тока».

Снова вернулась в Кызыл – это спустя сорок лет после того, как в сентябре 1941 года Шура Тока вместе с сыном Валентином вынуждена была покинуть Туву. И не по своей воле покинуть.

Понимать
русскую душу

Александра Алексина была первой русской женщиной, вслед за своей любовью приехавшей из Москвы в далекую Туvinскую Народную Республику – к мужу-тувинцу.

Пример Токи оказался заразительным, после него такие интернациональные браки стали заключаться в столице СССР постоянно: здесь находили своих вторых половинки и новые выпускники Коммунистического университета трудящихся Востока, и сотрудники туvinского посольства. Так что в Кызыле даже своеобразная диаспора московских жен руководителей республики образовалась, и эти интернациональные браки уже никого не удивляли. Но в 1929 году появление Шуры с младенцем произвело в Кызыле сенсацию местного масштаба: «Тока из самой Москвы привез русскую жену!»

Сидят супруги Тока: Тока, на руках у него сын Тагба, Александра с сыном Валентином. Стоят сын ветеринара Лев Машенкин и домработница. Кызыл, конец 1933 года.

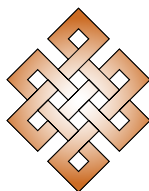
О том, что у Токи уже была на родине жена, только не по светским, а по старообрядческим церковным законам, быстро забылось. Таково свойство памяти: если какой-то факт очень стараются забыть как не соответствующий требованиям времени, то он очень быстро стирается из истории. А первый брак Токи как раз и был таким не соответствующим коммунистическим идеалам – религиозным, с прешествующим ему крещением по старообрядческому канону, что совсем не к лицу партийному лидеру даже в качестве ошибки молодости. Так что о нем и сам Тока не распространялся, и очевидцы помалкивали до времени.

В 2004 году живший в Москве орденосеи и ветеран туvinского колхозного хозяйства девятидесятилетний Дорофей Игнатьевич Зайцев, уроженец деревни Знаменка, сейчас это село Сарыг-Сеп, центр Каа-Хемского района, рассказал в своем интервью газете «Центр Азии» о том, как мальчишкой в ноябре 1923 года был свидетелем крещения Токи.
«Возле нашего дома стояла деревянная старообрядческая церковь, в которой староверы молились. Главным в этой церкви был Евсей Шарыпов. А Току его хозяин Михайлов решил женить на Анне Нифантьевне Лубонниковой, проживавшей в Мелведевке. Анна была староверка, а Тока – нехристь, поэтому и решили его сначала крестить».

Фото 4. Фото С. Тока с семьей и домработницей 1933 г. из книги «Люди Центра Азии», т. 5².
Photo 4. Photo of S. Toka with his family and housekeeper in 1933 from the book "People of Central Asia", vol. 5

¹ Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антупьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 28.

² Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Алтупьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков. С. 761.

На снимке видны следы ретуши, тем не менее, по сравнению с темнолицыми тувинцами из вышерассмотренных фотографий 1 и 2, явно заметно, что семья явно из высших слоев общества и не занимается тяжелым физическим трудом (за исключением брата министра с выжженным от солнца лицом).

Визуальные лекции указывают нам и на то, что это снова тувинцы традиционной культуры бытования (национальные халаты, длинные волосы женщины), тем не менее они уже находятся не в условиях привычного быта кочевников (стационарное помещение, стулья).

Подобная семейная фотография есть у С. К. Тока, в 1930 г. ставшего членом правительства ТНР, затем с 1932 г. возглавившего партийные органы республики и фактически до конца жизни бывшего руководителем Тувы (до 1973 г.). Но это уже совсем другая тувинская семья. На фотографии 1933 г. (фото 4) он сидит также с сыном на коленях, рядом сидит его жена Александра с другим сыном, позади четы стоит мальчик, как указано в подписи, — сын ветеринара, а сбоку прислонилась домработница. Супруга сидит, не только повернувшись в сторону мужа, но и даже немного склонившись всем корпусом к нему. Сам Тока лишь слегка наклонил голову к ней, при этом корпусом наоборот даже как бы немного отстраняясь.

Можно сказать, что денотативно оба снимка почти не различаются — и там, и там это семьи в помещениях. Люди разных возрастов, полов, сидят на стульях (кто-то из детей стоит) во время специального сеанса фотографирования. Но визуальные лекции нам указывают на разительные коннотативные отличия этой семьи от семейной группы Оюна Данчая.

Во-первых, как мы видим, одежда семьи Тока — уже не тувинская национальная. Сам Салчак Тока в стиле милитари — очень распространившемся у руководителей раннего советского государства вслед за В. И. Лениным и И. В. Сталиным (различия их предпочтений касались воротников, первый предпочитал отложной воротник, второй — стоячий; соответственно мы видим, что у Тока — ленинский тип френча). Мальчики одеты в «матроски» — популярный наряд мальчиков советского времени для возраста 4–7 лет, в основе которого лежит морская «форменка» со специфическим воротником с белыми полосками. У супруги короткая стрижка, ставшая модной в СССР в 1920-е годы, в эпоху НЭПа (новой экономической политики), когда такой тип стрижки имел идеологическое значение (противопоставлялся старорежимным косам), а кроме того был практичным и не требовал особого ухода.

Во-вторых, можно отметить, что С. Тока позирует со второй женой — русской¹, что в целом ознаменовало новшества в брачном поведении тувинцев в начале XX в. — появление межнациональных браков.

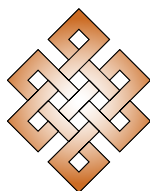
И, в-третьих, конечно же, наличие домработницы сразу указывает на новый статус и нынешнее высокое положение выходца из бедноты. Причем, если предположить, что на фотографии Оюна Данчая брат министра также оказался не случайно и, вероятно, он был помощником своего влиятельного родственника, в том числе по домашнему хозяйству, тем не менее, этот факт вполне укладывается в традиции родственных связей и взаимопомощи тувинцев. Наличие же русской домработницы у семьи Тока указывает на явно экстраординарное положение тувинца-хозяина, сторонника всего русского и советского, включая и одежду, быт и пр., и имевшего возможности для того, чтобы иметь русскую домашнюю прислугу.

Помимо данной фотографии, у семьи Тока есть и другие снимки, причем в разных композициях, локациях (на даче, во время поездки, на отдыхе), редкие в целом для тувинцев тех лет, опубликованные не только в книгах «Люди Центра Азии»². Например, в 5 томе есть фотография семьи С. К. Тока уже с третьей супругой — тувинкой Х. А. Анчима 1949 г. на обкомовской даче³. Он также в военной форме, на груди — несколько орденов и медалей. Все члены семьи одеты по-европейски, жена и ее дочь Анна

¹ Всего у него биографы насчитывают три жены (первые две русские и третья — тувинка): Байыр-оол М. С. Три жены Тока [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2010. 16 октября. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/2738-toka-zheny.html> (дата обращения: 17.04.2025).

² Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антупьевой. М., 1998. Т. 1. С. 103; Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Алтупьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков. С. 758, 762, 772; Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3. С. 32.

³ Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Алтупьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков. С. 773.

в светлых платьях с короткими рукавами. Старший сын Валентин в костюме, на лацкане которого также виднеются ордена, причем очевидно военные, поскольку он участвовал в Великой Отечественной войне в качестве добровольца¹.

То есть две рассмотренные фотографии двух представителей политической элиты республики (фото 3 и 4) разительно отличаются друг от друга, показывая как бы традиционную Туву и новую, советскую. Мы знаем историю о трагической судьбе Оюна Данчая. Он был награжден высшей наградой тувинского правительства — Ордена республики за заслуги перед революционной Тувой. Тем не менее, он был в оппозиции С. К. Тока, критиковал его, обвинял в неразумной политике. В итоге в 1937 г. был репрессирован вместе с другими членами правительства ТНР и в 1938 г. расстрелян². Сам С. Тока приложил лично к этому руку, призывая повышать «революционную бдительность» и ликвидировать «контрреволюционеров», следуя в своих выступлениях, установках и политике советской политике репрессий 1930-х гг.

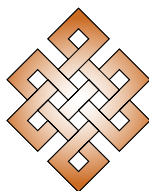
Тем самым за пределами рассмотренных снимков мы понимаем, что смена тувинцами ориентиров — социальных, культурных, политических — сопровождалась физическим уничтожением всего, что, казалось бы, мешало строить новую Туву. Для нас в итоге две фотографии — 3 и 4 — символизируют Туву уничтоженную и Туву победившую на данном историческом этапе.

Фото 5. Кара-Кыс и Максим Мунзуки с родными, 1939 г. Фото из архива семьи Мунзуков.
Photo 5. Kara-Kys and Maxim Munzuki with their relatives, 1939. Photo from the archive of the Munzuk family.

¹ Качан И. Неучтенный тувинский доброволец. Юнга Валентин Тока [Электронный ресурс] // ИА Тува-Онлайн. 2011, 16 мая. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2011/05/16/neuchtennyy-tuvinskiy-dobrovolec-yunga-valentin-toka.html> (дата обращения: 17.04.2025).

² Ооржак Ш. Семья с трагической судьбой [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2016, 27 октября. URL: <https://tuvapravda.ru/arkhiv/semia-s-tragicheskoi-sudboi/> (дата обращения: 10.09.2025).

Помимо этого, среди семейных снимков 1930-х гг. также можно увидеть изображения, в которых старое соседствует с новым сразу в одном кадре в уже не таком трагическом ореоле значений.

Например, посмотрим на фотографию 1939 г. семьи известных тувинских артистов Кара-Кыс и Максима Мунзуков, совсем молодых, вместе с отцом Номзатом Оюном и братом Кара-Кыс Тунгулаком Намзатовичем Оюном, держащими на коленях двух младенцев: дедушка — внучку Урану (старшую дочь четы Мунзуков, она умерла в младенчестве из-за дизентерии), военный — своего сына Николая (*фото 5*).

Старший из трех поколений на фотографии одет в тувинский национальный халат. Старик не вполне уверен куда следует смотреть, поэтому его растерянный взгляд устремлен немного выше, чем у остальных людей. Молодежь чувствует себя явно увереннее, они смотрят ровно в объектив, а артисты оба положили руки на плечи дедушки, как бы успокаивая того. Максим Мунзук одет в европейский костюм с галстуком, Кара-Кыс — в европейское платье, впрочем с очень длинным подолом в пол и длинными рукавами, возможно, чтобы соблюдать приличия, не шокировать стариков. Ее брат сидит в военной форме, фуражке, сапогах.

Данная фотография очень показательна в том коннотативном плане каким резким произошел разрыв в стиле жизни у старшего поколения тувинцев и молодежи в эти годы, и что людям приходилось прилагать явные усилия для того, чтобы сохранять родственные связи и свою родовую, и даже этническую идентичность. Возможно, только артистическая профессия Кара-Кыс (она была знаменитой певицей народных песен и артисткой театра) стала причиной того, что она осталась с длинными косами, видными не только на данной фотографии, но и на других известных изображениях этой женщины¹. Во многих фотографиях тех лет тувинки имеют короткие стрижки.

По словам дочери С. М. Мунзук², архивариуса Национального театра им. В. Кок-оола, фотография была сделана в Кызыле, в маленьком домике, недалеко от места жительства Мунзуков по улице Кочетова, в районе гостиницы «Монгулек». Там было временное помещение для оказания населению фотоуслуг.

Фотографии 2–4 являются «студийными» по характеру, то есть были сделаны в помещении, возможно с продуманным и организованным фоном. Однако, состав семей, их позы, прически и одежда рассказывают нам о важном переломном времени для тувинцев, когда их жизнь разделилась на «традиционную» и «советскую».

Пожалуй, в этом отношении еще более красноречива, т. е. богата в коннотативном плане, фотография 1943 г. «Аратка провожает сына на фронт» из фондов НМ РТ, выполненная В. Ермолаевым (*фото 6*).

Денотативно снимок очень простой. Мы видим на фотографии двух людей: женщину, которая стоит, склонившись и приобняв сидящего парня. Оба одеты в простую суконную одежду с круглыми пуговицами, молодой человек обрит наголо, его рубашка — военная. Смотрят прямо в объектив.

Но снимок несет много и личной, и культурной информации. Возраст женщины — матери — сложно оценить, поскольку она была животноводом, а тяжелый труд чабанов преждевременно старил женщин. Она будто пытается удержать сына от шага в будущее, где ему грозит смертельная опасность. Тем не менее хотя правая ее рука судорожно сжата, левая — свободно свисает. Судя по решительному взгляду юноши, его уже не удержать, впереди — фронт, он отправляется участвовать в Великой Отечественной войне против фашистов от сил ТНР. Две фигуры — матери и сына — олицетворяют два поколения Тувы — старшее, которое тревожится, но уже смирилось с тем, что его дети уходят в опасную неизвестность, и молодое, которое готово отправиться в эту неизвестность.

Добавим только, что данная жизненная история завершилась благополучно: несмотря на то, что семья получила «похоронку» на сына в 1944 г. и даже успела его «похоронить», в июле 1945 г. он вернулся живым³.

¹ См., например: Мижит Э. Максим Мунзук / Жизнь замечательных людей Тувы. М.: Слово, 2014. С. 39.

² Из личной переписки с авторами статьи.

³ Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антупьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 789.

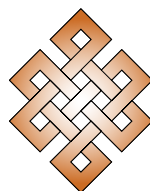
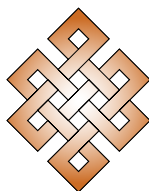

Фото 6. Аратка Д. Д. Тулуш провожает сына М. К. Докпута на фронт. Кызыл, 1943 г.
 Фото В. Ермолаева из фондов НМ РТ (НМРТ КП-11286/386 Фн-Е-346 № ГК 10467738).
 Photo 6. Arat woman D. D. Tulush is seeing her son M. K. Dokput off to the front. Kyzyl, 1943.
 Photo by V. Yermolayeva from of the National Museum of the Republic of Tuva (NM RT KP-11286/386
 Fn-E-346 no. GK 10467738).

Другие фотографии 1940-х гг. показывают нам тувинцев старшего поколения и младшего в европейских одеждах, которые на старших смотрятся мешковато и неудобно, на младших более органично. Молодые женщины уже в коротких стрижках, мужчины часто в военной одежде с наградами, дети в разноцветных платяцах и рубашках.

Среди фотографий этого периода достаточно много таких, которые исследователи называют сконструированными с композиционной точки зрения. Тувинцы не передавались так, как, например, калмыки в образе колонизированного народа (Сергеева, Четырова, 2022), и «фотоглаз» Ермолаева был гораздо более приближенным к реалиям тувинского быта. Тем не менее, общие принципы искусственной внешней «сборки» людей в привычных для них условиях быта проглядываются. При этом изначально фотография была лишь способом показать какими видят фотографы тувинцев в их ежедневном быту семьи. Но технические характеристики фотографических аппаратов и особенности съемки, когда для получения фотографического изображения была нужна длительная неподвижность, требовали статичности и создавали сложности особенно в съемке детей. Там, где мы видим семейные фотографии, они чаще всего статичны, не вполне естественны. Однако, как мы уже показали, фотографии все равно передают важную социологическую и культурологическую информацию. Сами люди не заботились тем, как они могут и должны выглядеть. Они были сами собой. И именно это позволяет нам видеть больше информации в фотоснимках.

Также денотативно семейные изображения изначально содержали упоминания традиционного жилища — юрты (в юрте, около юрты), элементы национальной одежды, традиционных верований. Затем изображения «переместились» в другие локации, чаще всего в помещение, в искусственно созданную атмосферу профессиональной съемки, одежды люди стали терять признаки этнической культуры, менялись прически.

Семейные фотографии тувинцев 1950–1980-х гг.

Фотографии сразу четырех десятилетий от 1950-х до конца 1980-х гг. мы рассматриваем как объединенные общим советским стилем жизни. Поэтому на снимках мы можем увидеть много таких социокультурных значений и практик, о которых уже свидетельствуют исследования других авторов. Опираясь на их труды, мы только покажем это на примерах выбранных фотографий семей тувинцев.

Особенности фотографий того времени заключаются прежде всего в местах съемок, в одежде людей и составе семей. Разберем фотографии по теме локаций, попутно отмечая и остальные особенности.

На фотографиях советских лет юрт стало гораздо меньше. Образованные тувинцы с разными специальностями переехали в села, в города. Они стали фотографироваться организованно, осознанно, в том числе в фотостудиях.

Исследователи пишут, что личные фотоаппараты у советских людей перестали быть редкостью после Великой отечественной войны¹. Тем не менее, аппараты были дорогими, их стоимость могла составлять 1–2 месячные зарплаты рабочего, поэтому приобретение их было знаковым событием в семье, одним из статистических признаков роста ее благосостояния.

Поэтому главными локациями для советских фотографий стали фотостудии. Известно, что в России фотостудии или фотографические мастерские, фотоателье появились в середине XIX в.² сразу вслед за Европой. Само же европейское новшество распространилось как результат публикации массовой технологии фотографии (получившей название *дагеротипия*) Л. Дагером в 1839 г. (Новая история..., 2008: 23–31). В самом Париже стали открываться заведения, которые стали расцениваться как «храмы фотографии», как новое место светского времяпрепровождения (там же: 103–129). Подобным же образом в итоге стали устраиваться и российские фотоателье: за обширной приемной для встречи клиентов следовала частная зона с офисом, с будуаром для дам, и наконец были рабочие помещения (лаборатория, кабинеты, складские помещения)³. В том числе фотографии становятся маркером «семейственности».

В советское время фотоателье все стали государственными и довольно однотипными (там же: 6). Но фотографирование, которое стало считаться в семьях обязательным, рассматривается уже как советская обрядность (Калачева, 2012: 74).

Историкам еще предстоит выяснить когда в Туве появилось первое фотоателье (возможно, еще в царское время). Судя по имеющимся фотографиям (см. *фото 5*), фотоателье уже работало в Кызыле в 1930-е гг. В дальнейшем оно прочно вошло в культурную жизнь не только Кызыла, но и всей республики. Фотографирование в ателье также стало восприниматься как светский выход, было большим событием, к которому заранее готовились. Тувинцы приняли новую советскую обрядность.

Так нам описывала М. К. Хомушку (1967 г. р., работник образования) всю предшествующую подготовку, сам процесс фотографирования и последующие действия:

«В советское время обязательно делали снимки, фотоателье обязательно работали в субботу и воскресенье.

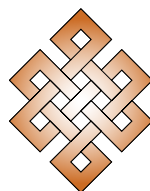
Мы тогда жили в селе, поэтому специально ездили в город, чтобы сняться на фото. Поездка туда требовала большой подготовки. Например, вечером готовились: гладили одежду, платье, сворачивали в круги бантики.

На завтрашний день, одевшись, мы ехали в город Ак-Довурак, там бывала очередь. Даже если народу много, все стояли и тихо ждали своей очереди. Никто не заходит вперед, не говорит о своей спешке. Все ждали, так как фотографировать – это большая работа. В то время фотографы ставили стулья, садили туда людей, тех, кто будут стоять, также ставили на место, потом смотрели, далее одного берут обратно, ставят в другую сторону, если бантик мешает, то поправляет, потом уже начинает фотографировать. Оплатив фото, нужно ждать распечатку.

¹ Круткин В. Снимки домашних альбомов и фотографический дискурс // Визуальная антропология: настройка оптики / под редакцией Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 116.

² Савченко Л. Г., Клопова И. В. История фотографических мастерских России [Электронный ресурс] // Культура: теория и практика. 2017. URL: <http://theoryofculture.ru/issues/77/985/> (дата обращения: 12.08.2025).

³ Там же.

На следующей неделе за фотографиями едет один человек. Когда он берет фото и садится на обратный автобус, то оставшиеся родственники ждут автобус на остановке. Когда автобус прибывает, то все кучкой стоим и смотрим, обмениваемся фотографиями. Мы делились фото так: для той семьи, для нашей семьи».

Действительно можно говорить о новой обрядности тувинских семей, связанной с фотографированием: она имеет и элементы ритуальных действий, и праздничной атмосферы.

Посмотрим на фотографию семьи известных цирковых артистов Оскал-оолов 1950-х гг., опубликованную в 1 томе книги «Люди Центра Азии» (фото 7).

гастролировать по городам Советского Союза. А в 1947 году нас включили в четвертый творческий смотр в Москве.

Вот мы там-то и дали жизни! Очень понравились людям, комиссии. Было больше двухсот номеров. Мы получили в своем жанре первую премию, и нас включили в московскую программу.

В цирке на Цветном бульваре после смотра мы отработали 6 месяцев. За это время в Москву в командировку приезжало руководство нашей республики: товарищ Тока, Чимба (тогда председатель облисполкома) и другие. И все приходили в цирк, смотрели нас.

После Москвы – опять все районы Тувы. Раньше мы обязательно через год, через два обслуживали Туву.

Номер был именно национальный, очень необычный для того времени и необычный до сих пор. Тувинский реквизит, мы жонглировали предметами, которые используются в повседневной жизни: согааш (ступа), бала (пестик), палочками для обработки шерсти. Костюмы – тоже тувинские. Сначала у нас было два номера: на проволоке и общее жонглирование с использованием акробатики, эксцентрики. Потом мы сделали один большой номер.

– И сколько же лет вы ходили по проволоке?

– С 19 до 60 лет.

– Обычно на натянутой над ареной проволоке мы привыкли видеть некое юное, ловкое, воздушное существо. До шестидесяти лет ходить по проволоке! Это, явно, редкость для вашего жанра?

– Да, это редкий случай. Один армянин, правда, работал на проволоке до 70 лет. А вообще последнее мое выступление было в 1994 году в городе Брянске.

– До 70 лет в цирке! За такую богатую творческую жизнь вы, наверное, весь мир с гастролями объездили!

– Нельзя сказать, что так и весь... В так называемых социалистических странах: Венгрии, Румынии, Болгарии, Монголии – во всех были. Первые гастроли в капстранах – Индия, Бирма, Индонезия. Были в Англии, Франции, Голландии, Бельгии, Австралии, США. Вот, пожалуй, и все.

– Да, совсем чуть-чуть (смеется)! Вы стали родоначальником целой тувинской цирковой династии. И поэтому, насколько я знаю, с вашим уходом ваш номер “Тувинские артисты” не исчез с

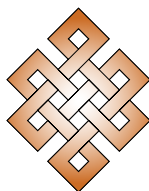
Мама, папа, Валя, Майя и Юра. Середина 50-х годов.

272

Фото 7. Фотография семьи Владимира Базыр-ооловича и Дунзенмы Сувановны Оскал-оолов с тремя детьми, 1953 г. из книги «Люди «Центра Азии», т. 1¹.
 Photo 7. Photo of the family of Vladimir Bazyr-oolovich and Dunzenma Suvanovna Oskal-ool with three children, 1953 from the book “People of the Center of Asia”, vol. 1.

Денотативное описание фотографии опять же достаточно простое: фотография сделана в фотоателье, взрослые сидят по бокам и дети по центру – младший мальчик сидит, девочки постарше стоят за ним. Одеты опрятно, даже нарядно. У мужчины на груди, на лацкане пиджака виднеется орден. Женщина в нарядном платье, с модной укладкой волос и с макияжем. Мальчик одет в военно-гимназический стиль. Девочки стоят также в темных костюмчиках, каждая с двумя косичками, уложенными за спину. На детских одеяниях видны белые канты.

¹ Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антurfевой. М., 1998. Т. 1. С. 272.

Коннотативное значение фотографии, все видимые лексии позволяют говорить о том, что это семья советских граждан со всеми характерными признаками в одежде, в прическах. Д. Оскал-оол носит прическу с высоким шиньоном. Причем очевидно, что артистка была в авангарде моды, поскольку такие шиньоны («бабетта») стали популярными в 1960-е гг. и эта мода продлилась вплоть до 1980-х гг. На груди В. Оскал-оола красуется судя по всему — Орден Ленина, который он получил в 1949 г.¹ — высшая государственная награда СССР. О деталях одежды сложно судить из-за качества снимка, однако, можно отметить темный цвет в целом. В 1950-е гг. внешний вид советских граждан, прежде всего женщин, еще мало отличалась от внешнего вида в 1940-е гг., поскольку страна еще восстанавливалась от военных лет. Преобладали темные оттенки одежды, в том числе у детей. Правда, как пишут исследователи, советских детей рекомендовали одевать не в «темную» одежду, а «менее яркую и менее светлую» (Бойцова, Орех, 2016: 9).

Студийные фотографии родителей и детей, а также сестер-братьев, друзей, однокурсников и пр. широко распространились в советское время у тувинцев (и эта традиция сегодня также сохраняется, но в меньших масштабах и измененном виде, о чем мы скажем далее), прочно пошли как в социальные привычки, образовав новую обрядность (поход в студию), так и сохранились в семейных архивах. Со страниц фотоальбомов мы видим советских тувинцев: мужчин в костюмах, женщин в платьях, детей в школьной или повседневной одежде, но старательно выглаженных, причесанных. Женщины особенно следили за модой и носили прически, следуя за советскими веяниями, в том числе на прически кинозвезд. Мужчины также порой щеголяли весьма модными вещами.

Если сравнить фотографии советских тувинцев с фотографиями советских бурят, калмыков и пр., то мы практически не увидим никакой разницы между ними и далеко не всегда сможем идентифицировать этническую принадлежность запечатленных на фото людей. «Советскость», советская «культура» стали главными идентификационными критериями для граждан страны.

И еще несколько комментариев к *фотографии 7*. При всей типичности композиции фотографии семьи Оскал-оолов, мы видим перед собой семью нетипичную — артистическую, с наградами и хорошим положением в обществе. Фотография была сделана в г. Одессе во время гастролей². За рамками фотографии мы также знаем историю этой семьи, которая в Туве считается легендарной, поскольку чета Оскал-оолов не просто образовала труппу тувинских артистов цирка, но и основала целую цирковую династию и объехала множество стран мира с выступлениями³. При этом В. Оскал-оол был родом из простой чабанской семьи, получивший образование, в том числе в цирковом училище в г. Москве. Тем самым он стал представителем той самой «новой Тувы», о чем мы сказали ранее, полностью порвавшим с делом родителей и их образом жизни. Причем он стал даже тем редким тувинцем, который оторвался и от республики, переехал в Москву, выстроил карьеру в столице страны. Но всю профессиональную жизнь он представлял тувинское искусство, Туву, превратив этническую идентичность в одну из сторон профессиональной деятельности. Тувинское этническое в его одежде, так же как в одеждах супруги, детей, ставших также артистами цирка, осталось, но только в сценических костюмах, на афишах их номеров.

Гораздо более типична семья тувинцев с *фотографии 8*, сделанной чуть более десяти лет позже, чем предыдущая. Денотативно фотография практически повторяет снимок семьи Оскал-оолов: в фотостудии супруги сидят плечом к плечу, поддерживают руками годовалого ребенка, стоящего на коленях в центре между ними.

Визуальные лексии (свитры, простая одежда, отсутствие макияжа у женщины) над подсказывают, что это молодые люди обычных профессий, возможно сельчане. Тем не менее молодая мама также следует моде тех лет на высокие шиньоны волос, ее прическа повторяет прическу цирковой артистки.

Как мы знаем из истории семьи Ондар, запечатленной на снимке, в те годы супруги проживали в с. Шекпээр Барун-Хемчикского района, оба работали учителями (она — учителем начальных классов, он — учителем физкультуры).

¹ Сузукей В. Владимир Оскал-оол. М.: Слово, 2014. С. 300.

² Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2018. Т. 6. 52 интервью и очерка ; Избранное из первого тома: 21 очерк и интервью. С. 838.

³ Сузукей В. Владимир Оскал-оол. М.: Слово, 2014.

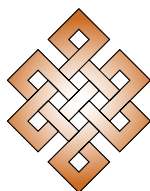

Фото 8. Молодая семья тувинцев Владимира Даваевича и Хилераа Сендажиевны Ондар с их первенцем, дочерью Шолбаной, примерно 1968 г. Фото из архива семьи Ондар.

Photo 8. The young Tuvan family of Vladimir Davaevich and Hileraa Sendazhieva Onda with their firstborn, daughter Sholbana, circa 1968. Photo from the archive of the Onda family.

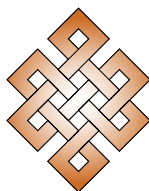
Еще одно новшество отмечается на серии фотографий семей советских лет: появились и распространились фотографии на природе, чаще всего в парках отдыха, демонстрируя тем самым новые практики досуга. Семье, как ячейке социалистического общества, уделялось много внимания в политике государства. В том числе считалось важным организовывать семейный досуг правильно. Важным местом для такой организации стали специальные парки, в которых ряд развлечений для детей и взрослых были устроены в уголках зелени. Не случайно они и назывались «парками культуры и отдыха»¹. В Кызыле такой парк был открыт еще в период Тувинской Народной Республики — в 1928 г. В 1937 г.² он получил официальное название «Парка культуры и отдыха»³, а в 1960 г. получил имя Гастелло⁴. В 2009 г. посвящение летчику пропало из его официального названия, он стал «Национальным парком культуры и отдыха Республики Тыва», тем не менее и сами горожане, и администрация учреждения продолжают его называть «парком имени Гастелло».

¹ Шайгарданова Н. Л. Парк культуры и отдыха как явление культуры и воплощение советского идеологического проекта: дисс. ... канд. культ. Екатеринбург, 2014; Портников, В. И., Репкина Е. А. Формирование культуры семейного досуга в условиях парка культуры и отдыха // Наука и технологии: актуальные вопросы, достижения, инновации: сборник докладов и материалов II Национальной научно-практической конференции, Москва, 29–30 октября 2018 года. М.: АНО ВО «Институт непрерывного образования», 2018. С. 180–185; Шайгарданова Н. Л. Место советского парка культуры и отдыха в пространстве современного российского города // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: Материалы XVII Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 14–15 апреля 2014 года / ред. коллегия: Л. А. Закс и др. Т. 1. Екатеринбург: НОУ ВПО «Гуманитарный университет», 2014. С. 502–504.

² См. фотографию «Вид из городского парка» 1937 г. в: Черно-белая Тува. Незаконченная история ...: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 125.

³ ГАУ «Национальный парк культуры и отдыха РТ» [Электронный ресурс] // Учреждения культуры Республики Тыва. URL: <https://kntuva.ru/org/6/> (дата обращения: 14.09.2025).

⁴ В честь Н. Ф. Гастелло (1907–1941), советского военного летчика, участника трех войн, известного своим подвигом во время Великой отечественной войны, когда он направил свой подбитый самолет во вражескую танковую колонну.

Дырбак Кунзегеш

вином, в виде большого исключения в честь великого дня, редактор разрешил сотрудникам отметить победу над фашистами.

Впоследствии Юрий Шойдакович часто в «Шыне» публиковался, и я заметки туда писала. Мы всегда ее очень внимательно читали, обсуждали опубликованное, особенно то, что литературной жизни касалось. И сейчас ее читаю, ведь вся жизнь моя с этой газетой прошла, всех ее сотрудников знала.

Вот у меня фото сохранилось, это мы в Кызылском парке снялись, в то время он действительно был центром и культуры, и отдыха. Вот я стою, вот заведующий отделом газеты «Шын» Маннай-оол Дембий-оолович Оюн и его супруга Сай-Хоо Даржаевна. За ними Юра выглядывает. А вот кто этот высокий мужчина в кепке, никак вспомнить не могу.

Запрещённый Пюрбю

– Кто из тувинских писателей, на ваш взгляд, оказал наибольшее влияние на формирование Юрия Шойдаковича как поэта?

– Думаю, Сергей Пюрбю. Да, он. Именно ему Юра в тринадцать лет показал свои первые стихотворные опыты. Об этой встрече он часто вспоминал: как волновался, когда шел в писательский дом, тот самый дом № 74 на улице Красноармейской, на котором сейчас мемориальная доска висит. Как доброжелательно приняли его и Сергей

Бакизович, и его русская супруга – оладьями угостила, он их первый раз тогда ел.

Конечно, стихи были сырыми, ученическими, но именитый писатель внимательно прочитал их, дал советы. Спросил: а как у тебя с русским языком? Юра признался, что не очень, поскольку только что прибыл на плоту из Тоджи, в пятый класс поступил. И тогда Сергей Бакизович дал ему совет: серьезно учить язык, русскую классику читать, потому что без этого не стать поэтом.

А я в школьные годы заочно с Сергеем Бакизовичем встретилась. В Чадане был маленький магазинчик, в котором все вперемешку продавалось. Однажды в нем новая книга появилась – сборник стихов Пюрбю, на тувинском языке. Папа, привозя меня в интернат, оставлял немножко денег, чтобы могла сама кушать то, что нужно. И я этот сборник купила. А потом в газете написали, что эти стихи надо сжечь, потому что они вредные, и учителя об этом тоже говорили.

– Это ведь тот самый сборник «Родная земля» 1947 года издания, тысячный тираж которого после ареста поэта действительно был полностью уничтожен в Туве. Вы свой экземпляр тоже сожгли?

– Нет, в спальне под матрас своей кровати спрятали и читала, когда никто не видел. Очень мне стихи эти нравились, понять не могла, почему их сжигать надо.

И не я одна понять не могла. В 1952 году в Кызыле учительский институт открылся, и Юра настоял на том,

Справа налево: супруги Юрий Кунзегеш и Дырбак Кунзегеш с дочкой Верой, композитор Саая Бюрбю, супруги Нина и Сергей Пюрбю с дочкой Леной, супруга композитора Мария Бюрбю. Кызыл, парк культуры и отдыха имени Николая Гастелло. 1967 год.

232

Фото 9. Фотография семей писателя Ю. Ш. Кунзегеша, композиторов С. Б. Пюрбю и С. М. Бурбе в городском парке, 1967 г., из книги «Люди Центра Азии», т. 3¹.

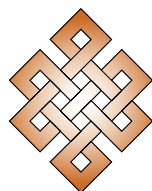
Photo 9. Photograph of the families of the writer Y. S. Kunzegesh, the composers S. B. Purbu and S. M. Burbe in the city park, 1967, from the book "People of the Center of Asia", vol. 3.

Среди прочих видов развлечений парка — постоянных и временных (сказочный городок для детей с каруселями², киоски, летняя веранда, розыгрыши лотереи и пр.), в нем также работали и фотографы. Имена некоторых из них упоминаются А. О. Эфендиевой (Эфендиева, 2023: 55). В том числе исследователь отмечает и парковые фотографии В. П. Ермолаева (там же). Фотографы предоставляли услуги фотографирования для желающих. А таковые всегда находились, потому что в парк в воскресные дни шли отдыхать нарядными. Здесь проходили свидания, организовывались танцы, семьи гуляли с детьми. Например, нарядные девушки, целеустремленно идущие в парк, танцы на площади у входа в парк запечатлены на фотографиях фотоальбома «Советская Тува» 1984 г.³

¹ Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3. С. 210.

² См.: Черно-белая Тува. Незаконченная история: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 124.

³ Советская Тува. Фотоальбом к 40-летию образования автономной Тувы. М.: Планета, 1984. С. 88, 89.

И в фотоподборках из книги «Люди Центр Азии», и из личных архивов наших респондентов многократно повторяются фотографии из кызыльского парка, а также из других парковых зон райцентров и других городов, где отдыхали тувинские семьи. Причем понятно, что практически все они сделаны в летний сезон — в условиях резко-континентального климата Тувы только в летние месяцы можно отдыхать и наслаждаться парком (Зимний досуг горожан был связан с катанием на коньках и лыжах, которые распространились с 1930-х гг., что продвигал лично С. К. Тока¹).

Рассмотрим одну из таких фотографий — *фотографию 9*.

На снимке стоит группа людей — три мужчины, три женщины, две девочки на переднем плане, сзади виднеются деревья и проходящие люди. Фотография летняя, на женщинах и девочках светлые летние платья. Визуальные лекции подсказывают нам, что перед нами советские семьи интеллигенции национальной республики.

Мы также знаем контекст фотографии, самих персон на ней и можем сказать, что перед нами прогулка в парке имени Гастелло семей трех известных в Туве людей — композиторов С. Б. Пюрбю с супругой и дочерью, С. М. Бюрбе с супругой, а также писателя Ю. Ш. Кюнзегеша с супругой и дочерью.

Перед нами три семьи образованных тувинцев, представителей творческих профессий, одна из семей — интернациональная; все они — кызылчане и досуг у них типичный городской, летний, культурный, по правилам того времени, — в парке. Одежда у них как и полагается у советских людей того времени: костюмы, платья. Более того, одна супружеская пара отличается особым вниманием к моде: супруга композитора С. Бюрбю (крайняя слева) носит модный высокий шиньон волос, а сам С. Бюрбю (четвертый слева) — острые удлиненные уголки ворота рубашки, которые в целом стали популярны уже в 1970-е гг. и ассоциировались со стилем диско, «городской» модой эпохи (подобные образы можно увидеть в фильме «Москва слезам не верит», 1979).

Такие «парковые» снимки хранятся во многих семейных фотоальбомах городских тувинцев.

Другая вариация такой «парковой» или скорее «природной» темы — фотографии из санаториев, домов отдыха. Если в первые десятилетия советской Тувы на таких снимках мы видели чаще известных деятелей республики (политиков, писателей²), то впоследствии, в 1980-е гг. такие фотографии стали отмечаться и в более широких масштабах. И третья вариация семейных фотографий по природным рекреационным локациям — дачи. Это редкий вид фотографий того времени, особенно в раннесоветское время, поскольку дачи, тем более для отдыха, там, где можно было фотографироваться, были, пожалуй, только у политической элиты, в частности у С. К. Тока. Как уже выше было сказано, у него есть фотография на обкомовской даче уже с третьей супругой — тувинкой Х. А. Анчима в 1949 г.³

Помимо фотостудий и парков, еще одна частая локация для семейных снимков советского времени — это стена здания, чаще всего деревянного дома, узнаваемая по рисунку бревен. Использовать стены стало традицией советского фотографирования в эпоху массового увлечения фотографией в СССР (примерно с 1950–1960-х гг.)⁴, потому что они были удобным фоном для фото (помогали подчеркнуть человека, создавая контраст или естественную рамку); чаще всего располагались на улице, где было естественное освещение, необходимое для качественных фото без применения искусственного света. Кроме того, фотографирование у стены было удобным, потому что можно было опереться, обеспечить строгое вертикальное или равномерное освещение и не отвлекать внимание от объекта съемки, что было важно для портретов, школьных фото и памятных снимков.

Посмотрим на *фотографию 10* в подобном стиле.

¹ См.: Черно-белая Тува. Незаконченная история ...: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 124.

² Например, в 6 томе книги «Люди Центра Азии» есть фотография писателя С. А. Сарыг-оола с супругой М. Д. Черноусовой-Сарыг-оол в Доме отдыха г. Сочи в 1958 г.: Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антufьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2018. Т. 6. 52 интервью и очерка ; Избранное из первого тома: 21 очерк и интервью. С. 492.

³ Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Алтufьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков. С. 773.

⁴ Баринаова О. А. Всесоюзное увлечение. Фотография в СССР [Электронный ресурс] // История.РФ. URL: <https://histrf.ru/read/articles/vsesoyuznoe-uvlechenie-fotografiya-v-sssr> (дата обращения: 17.09.2025).

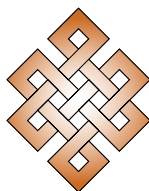

Фото 10. Семья Шангыр-оола Дембиреловича Монгуш (стоит справа) и Мандараа Даваевны Ондар (сидит в центре) с детьми, примерно 1970 г. Фото В. Д. Ондара.
 Photo 10. The family of Shangyr-ool Dembirelovich Mongush (standing on the right) and Mandaraa Davaevna Ondar (sitting in the center) with their children, circa 1970. Photo by V. D. Ondar.

У сельских жителей одежда также, как у горожан, была лишена этнического колорита, традиций, хотя конечно была проще. На *фото 10* — семья сельчан на фоне стены бревенчатого дома. Одежда: ватники, платки, скромное пальто, валенки. По снимку довольно сложно понять, кто в центре сидит с ребенком, но мы получили разъяснения от владельцев снимка, что это мать семейства, супруг стоит справа, остальные — их дети. Он — лодочник, она — ветеринар. Старшие дети (две девочки и один мальчик) стоят смирно, а младший явно капризничает и ерзает на коленях матери, которая его пытается удерживать.

В целом, на фотографиях 1950–1980-х годов распространены именно нуклеарные семьи: родители и дети, а бабушки и дедушки показываются парой, но чаще — отдельно. Весьма характерным в этой связи можно назвать размещение двух отдельных фотографий двух семей на одном листе в фотоальбоме «Черно-Белая Тува», в разделе советской истории: на одной фотографии на сельской улице стоят муж и жена с детьми, на другой — пожилой пары, у которых есть семеро детей, но об этом мы узнаем только из информации в подписи¹.

Вот и здесь — на *фотографии 10* — мы снова видим семью нуклеарную — родители и дети. Ее коннотативное значение указывает лишь на то, что семья простая, рабочая, сельская, типичная для советских лет. Причем ни одна визуальная лексика нам не указывает, что фотография сделана в Туве и что перед нами тувинцы. Став советскими людьми, визуальнo тувинцы перестали отличаться от других советских людей азиатской внешности. О такой же тенденции исчезновения традиционных маркеров этнической идентичности в других национальных республиках Союза в советское время, причем в 1970–1980-е гг., уже писали наши коллеги из Бурятии (Базаров, Дашибалова, 2021: 229). По их наблюдениям, с 1970-х гг. «этнический костюм либо “вымывается”, т. е. исчезает с фотографий, либо используется как симулякр, сценическая или парадная бутафория» (там же).

Что касается ношения тувинцами национальной одежды, здесь следует сделать оговорку. Ее продолжали носить в повседневной жизни, но делали это только те, кто занимался традиционным жи-

¹ Черно-белая Тува. Незаконченная история ...: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 182.

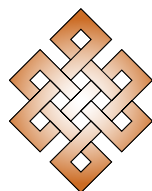

Фото 11. Семья животноводов Досумаа Холаевны и Баазана Багай-ооловича Сатов, начало 1960-х гг.

Фото из архива У. В. Куулар.

Photo 11. The family of livestock breeders Dosumaa Kholaevna and Baazan Bagai-oolovich Sat, early 1960s.

Photo from the archive of U. V. Kuular.

вотноводством. С. М. Биче-оол подчеркивала, что «национальную одежду носят преимущественно повседневно люди преклонного, пожилого возраста»¹.

Взглянем на *фотографию 11*, которая датируется началом 1960-х гг.

На фото женщина и мужчина в зимней одежде. Мы видим, что на них утепленные тувинские шубы *негей тон* (мужчина) (Ховалыг, 2018: 249) и *ой тон* (женщина) (там же: 252). Чабаны продолжали носить традиционную одежду, которая была привычна, удобна для животноводов. Подобные фотографии не подтверждают наблюдение наших бурятских коллег о том, что этническое ушло полностью в симулякр (Базаров, Дашибалова, 2021: 229). Но платок у женщины и меховая шапка у мужчины явно покупные, завозные. Стоянка данной семьи чабанов была в Адыы-Ишкине, в Сут-Хольском районе². Тем не менее снимок сделан также на фоне бревенчатого дома, очевидно в момент, когда они приезжали в село.

На таком фоне и с таким же коннотативным основным значением (нивелированием этнической идентичности) нам встретилось достаточно много фотографий. Стало увеличиваться число людей со своими личными фотоаппаратами, начала развиваться любительская фотография. Фотографы уже с более легкими переносными аппаратами наносили также визиты в организации. Туда же спешно собирались люди, кто в чем, и для съемки размещали их чаще всего дежурно к стене зданий.

О таком случае нам рассказывала снова М. К. Хомушку (1967 г. р., работник образования):

«Был интересный случай. В село приехали фотографы, чтобы снять детей в саду. Я тогда жила возле садика. Спешно собрала всех своих братьев, сестер — кто в чем был. Сделали фото. Потом сказала тете, чтобы она забрала наши фото, заплатив за них.

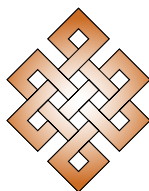
Потом мы увидели на снимке, что моя сестренка Саида сидела в халате, а остальные были в школьных формах. Мама Саиды, моя тетя, сетовала, зачем я ей не надела красивую одежду, почему я ее в халате поставила».

Новацией в семейных фотографиях тех лет можно назвать жанр свадебных фотографий, которые стали фиксировать полный разворот в сторону советских традиций гражданского бракосочетания: женихи в костюмах, невесты в белых платьях и фате³. Много фотографий из ЗАГСа, с момента

¹ Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве: дисс. ... канд. ист. н. Ленинград, 1974. С. 133.

² Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антurfьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 681.

³ О том, как в советское время поменялась свадебная обрядность, как появились гражданские регистрации и стали проходить «комсомольские» свадьбы и пр. см.: Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве: дисс. ...

подписания молодоженами документов; есть фотографии с застолий (у горожан — в столовых, у сельчан — во дворах, где устанавливались длинные деревянные столы и скамьи).

О других новых типах фотографий, уже вне семейной темы, мы пишем в отдельной статье (Ламажаа, Кужугет, Майны, 2024: 92).

До 1960-х гг. доминировали черно-белые фотографии, цветные появились в 1960–1970-е гг. в связи с массовым распространением в СССР производства отечественной цветной фотопленки. Тем не менее в изученных нами семейных фотоальбомах цветные фотографии чаще датируются 1980-ми гг.

Семейные фотографии также отражают и иные социальные изменения: тувинцы стали делиться на городских, сельских и животноводов. Как писала в свое время С. М. Биче-оол (Биче-оол, 1970), различий сельской жизни от городской в Туве 1960–1980-х гг., несмотря на столичный статус Кызыл, его развитую инфраструктуру, культурную жизнь, было недостаточно для того, чтобы сельчане стремились переехать в город. Села в советское время хорошо обеспечивались товарами, в них было много и работы, и своей культурной жизни.

Среди фотографий встречались разные локации съемок, не только рассмотренные, но другие (внутри юрты у чабанов, около юрты, внутри дома, на улице и др.). Мы разобрали только наиболее типичные, распространенные в советское время композиции. К концу выделенного периода вариативность мест и положений людей стала расширяться, и это происходит благодаря дальнейшему развитию фотографического дела, увеличению числа владельцев аппаратов, которые уже могли снимать членов семьи в любых локациях и ракурсах.

Семейные фотографии тувинцев 1990–2000-х гг.

Такие же фотографии семей, сделанных в ателье, на природе, у стен и пр., продолжают делаться и позднее, в том числе и в наши дни. Но мы остановимся на том, что появилось в постсоветское время сразу после развала советского государства — в 1990-е гг. и на рубеже двух тысячелетий — XX-го и XXI-го вв.

На фотографиях этого периода обращает на себя внимания одна новая тенденция — практика такой съемки, которая визуально «возвращает» семью в семейную обстановку. Ранее, как мы видели, семьи фотографировались в социальных пространствах в первую очередь (фотоателье, природа, парки, на улице у зданий, во время бракосочетаний и др.). Государственной политикой они понимались как социальные ячейки, или как ячейки, важные прежде всего для общества, «соответствующие нашей советской действительности»¹. То же самое демонстрировали, визуализировали и семейные фотографии — выполняли функции демонстрации «советскости» и соответствия социальной политике.

А вот в 1990-е гг., уже после падения советского государства, в условиях освобождения от тотального идеологического контроля и либерализации многих сторон общественной жизни, отмечается увеличение числа фотографий семей, сделанных неформально в домашней обстановке — за столом, на диване. Фотоаппараты, в том числе с мгновенной печатью фотографии (типа Polaroid), стали доступными, распространенными, люди могли сами фотографировать себя, свои семьи, делать это в цвете и фиксировать так, как им хотелось.

Как пишет М. В. Коновалова, в 1990-е гг., которые можно считать переломными для бывших советских людей, вследствие утраты социальных ориентиров, фотографирование в целом сосредоточилось на семье, на детях².

канд. ист. н. Ленинград, 1974. С. 144–147. Например, фотография невесты в белом платье и фате, уезжающая с женихом в костюме на конях от юрты, опубликованная в фотоальбоме «Черно-Белая Тува» в разделе «Тува советская, 1946–1989 гг.» (Черно-белая Тува. Незаконченная история ...: фотоальбом / авт.-сост. С. К. Шойгу. Б. м. : Культурный фонд «Пор-Бажын», 2010. С. 165), уже содержит редкую отсылку к традициям. Новые свадебные церемонии обходятся уже при помощи автотранспорта.

¹ Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве: дисс. ... канд. ист. н. Ленинград, 1974. С. 174.

² Коновалова М. В. Жизненный мир жителей российской провинции 1990-х годов в отражении семейных фотографий // Диалоги о культуре и искусстве : материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию со дня основания Пермского государственного института культуры, Пермь, 20–22 октября 2015 года. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2015. С. 222–226.

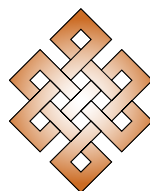

Фото 12. Танцовщица Ирины Ондар с детьми дома, 1997 г., из книги «Люди Центра Азии», 1 том¹.
Photo 12. Dancer Irena Ondar with children at home, 1997, from the book "People of Central Asia", volume 1.

Примером фотографии 1990-х гг. нового типа может рассматриваться снимок И. Ондар с детьми, который был опубликован в 1 томе книги «Люди Центра Азии» (фото 12). И хотя в книге «Люди Центра Азии» она приведена в черно-белом формате, однако главный редактор издания Н. М. Антufьева помнит, что оригинал был цветным².

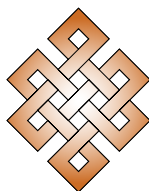
Мы видим на фотографии улыбающуюся женщину, с мальчиком подростком и девочкой у него на коленях. Видно, что они находятся явно дома, потому что сзади фоном висит ковер с орнаментом (визуальная лексика традиционного элемента обстановки квартир в советское время³), также на руках у женщины спокойный ухоженный кот. Даже с учетом того, что женщина на фото была тележурналистом, танцовщицей, увлекалась модой и считалась в целом неординарным человеком, которая впоследствии эмигрировала во Францию и строила там карьеру танцовщицы, о чем гласит интервью с ней, даже с учетом всех особенностей ее личной истории⁴, коннотативно снимок содержит также информацию об изменениях, которые стали в целом происходить в социокультурной жизни тувинцев.

¹ Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антufьевой. М., 1998. Т. 1. С. 26.

² Из личной переписки с авторами статьи.

³ Зачем в СССР вешали ковры на стены и откуда пошла эта традиция? [Электронный ресурс] // Ковростил. URL: https://kovrostil.ru/news/zachem_v_sssr_veshali_kovry_na_steny/ (дата обращения: 19.09.2025).

⁴ Потапенко И. Ирина Ондар-Пятшьева: «Кошки — мои двоюродные дети» // Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антufьевой. М., 1998. Т. 1. С. 22–26.

На семейных фотографиях тех лет мы видим, что люди стали менее формальными, они, что называется, раскрепощены, расслаблены, потому что находятся дома и технические характеристики фотоаппаратов позволяют уже не сидеть долго в неподвижности, теряя эмоции. Визуальные лексии одежды также передают нам отход от канонов советскости, новые веяния. У женщины на *фото 12* модная прическа тех лет: теперь это высокий конский хвост вероятно химически завитых волос с аксессуаром из ленты и резинки с тигровым рисунком. Также видны крупные висячие серьги, яркий макияж. Наряд девочки (платье с рукавами-фонариками) сохранил моду советских девочек еще с 1950-1960-х гг. Но на мальчике, выглядывающем из-за пышного платья сестренки, виднеется футболка с явно английской надписью, на что указывает последняя видная буква «d».

Интересная деталь также видна в визуальных лексиях, связанных с фенотипами лиц. Видно, что сама женщина имеет азиатские черты лица, однако, не чистые, а дети уже почти полностью лишены их. Как мы знаем из биографии И. Ондар, ее отцом был известный в Туве математик — тувинец Х. О. Ондар, а мама — педагог, русская Е. И. Коптева. То есть сама И. Ондар была¹ ребенком смешанного происхождения — метиской. Поскольку ее дети были рождены уже от русского отца, то тувинских черт у них стало еще меньше. Мы остановились на этом моменте, чтобы подчеркнуть распространение в Туве также метисов — детей родителей в межнациональных браках, которые, как мы упоминали, появились у тувинцев с 1930-х годов. В 1950-х гг. таких браков фиксировалось уже как «очень много», причем почти всегда это были тувинец-муж и русская-жена (Доржу, 2019: 147). На наш взгляд, эта тенденция, хоть она и не слишком велика², и ее зримые «результаты» — дети, а также их вопросы идентичности, собственных брачных ориентиров — все это представляет собой интереснейшую страницу истории тувинского этногенеза — новую и пока совершенно не исследованную.

В целом такую же раскованность в домашней обстановке мы видим и на фотографии семьи других тувинцев (*фото 13*). Члены семьи сидят дома на диване, очень близко друг к другу, буквально прижимаясь.

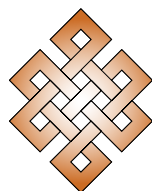

Фото 13. Семья Владимира Даваевича и Хилераа Сегбеевны Ондаров с дочерьми и внуком, 1993 г.
Фото Э. Куулара.

Photo 13. The family of Vladimir Davaevich Ondar and Hileraa Segbeevna Ondar with their daughters and grandson, 1993. Photo by E. Kuular.

¹ Она ушла из жизни в 2021 г.: В Париже умерла уроженка Тувы, хореограф Ирина Ондар [Электронный ресурс] // ИА Тува-Онлайн. 2021, 11 мая. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2021/05/11/v-parizhe-umerla-urozhenka-tuvy-horeograf-irina-ondar> (дата обращения: 19.09.2025).

² Например, З. Ю. Доржу приводит статистику этнического состава семей 1970 г. в городах Тувы, в которой 12,4% от всех семей — межнациональные (Доржу, 2019: 148).

Помимо всего прочего, данная фотография представляет еще одну новую тенденцию — «соединение», демонстрацию связи между разными поколениями тувинцев, не только родителей с детьми, но и бабушек-дедушек с внуками. Это также видно на данной *фотографии 13*. Как мы знаем, здесь члены семьи трех поколений: мужчина и женщина не только с дочерьми, но и с внуком — на коленях у бабушки.

Старшие поколения тувинцев, от которых в раннее советское время отрывались дети с другим образом жизни и другими профессиями, стали уходить из жизни. Теперь же у «оторванного» поколения свои дети повзрослели и обзавелись своим потомством. Образ жизни трех поколений стал схожим — это или все горожане, или сельчане, или в целом родственники, которые живут оседло, имеют более-менее схожие биографии, опыт социализации. Они перестали делиться на представителей Тувы «старой» и «новой». Они наоборот стали нивелировать различия, более того — увеличивая ценность бабушек и дедушек, поколения уходящего.

Отмечается еще одна новая тенденция — стали появляться и распространяться фотографии членов семей в национальных одеждах. Но ярче всего эта тенденция проявилась уже несколько позже, поэтому мы вернемся к ней в следующем разделе.

Увеличилось число локаций, в которых семьи стали запечатлевать свою жизнь. Здесь можно вспомнить о том, что в советское время для жителей Тувы, как жителей приграничного региона, существовали определенные ограничения на поездки в другие регионы страны. Кроме того, на мобильность влияли уровень благосостояния советских людей, не достаточный для дальних поездок, тем более с туристическими целями даже у горожан. Выезды в другие города они осуществляли, в основном, только в связи с командировками, а в отпуска предпочитали скорее ездить в районы к своим родственникам. Поездки в санатории позволялись только если производились по путевкам, которые полностью или частично оплачивались организациями. С 1990-х гг. постепенно тувинцы начинают «осваивать» новые локации самостоятельно, причем семьями, выезжая и фотографируясь, например, на Красной площади в Москве. Появились фотографии из других стран — с поездок, в том числе туристических: в Китай, Францию, США и др.

Открытие тувинского общества в постсоветское время для приезда иностранцев вылилось в том числе и в появление нового типа браков, когда в основном женщины-тувинки стали выходить замуж за граждан других стран. В биографиях, опубликованных в книгах «Люди Центра Азии» вместе с фотографиями, мы встречаем такие семьи: американского антрополога Брайана Донахо и Кыргыз Чайзу¹, тибетского буддийского священника из Индии геше Дакпа Гуалтсо и Чинчи Саая², американского музыканта Шона Куирка и Светланы Сундуй³, финского музыканта Имре Пээмота и Виктории Ховалыг⁴ и др.

Фотографии семей этих лет стали гораздо более разнообразными по композиции, по локациям. Они демонстрируют, как тувинские семьи стали открывать мир, другие страны, путешествовать, как появились тувинские семьи международные.

Семейные фотографии тувинцев 2010–2020-х гг.

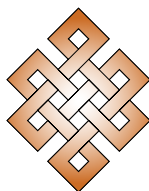
Наконец, самое ближний для нас период, который мы рассматриваем — первые два десятилетия XXI в., в т. ч. настоящее время. Опять же подчеркнем, все те прежние виды композиций, которые мы рассмотрели в предыдущие десятилетия, никуда не уходят полностью, вариаций фотографий становится множество. Некоторые из типов композиций, особенно фотографии семей в фотоателье, уходят в прошлое, но не полностью, просто их число гораздо меньше. Благодаря распространению фотоаппаратов, в том числе цифровых, а затем и смартфонов, фотографирование перестало быть особым ритуалом, требующим значительных организационных усилий, а также подготовки. В целом фотография как жанр стала меняться, и заметно осложнилась ее институционализация (Клеменс, 2016).

¹ Экология любви // Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антufьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 750–759.

² Лакпа Гуалтсо: «Я прожил в монастыре 21 год» // Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3. С. 69–73.

³ Заслуженный американец // Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антufьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 540–543.

⁴ Эксперимент с переездом: тувинская семья в Европе // Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антufьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 810–819.

Как мы уже писали, изменились и практики фотографирования, и презентации как фотографий, так и целых фотоальбомов в цифровом виде (Ламажаа, Кужугет, Майны, 2024: 94).

Учитывая изменения в методах демонстрации фотографий, их форм — на цифровые, которые возможно показывать в социальных сетях в Интернете, фотографии стали не просто формой репрезентации, хранения семейной памяти, но и формой социальной демонстрации, трансляции определенных идей, смыслов.

Поэтому в трансформации этого жанра мы будем одновременно рассматривать, по-прежнему, содержание фотографий, которые демонстрируют нам явное усиление намеченных в прошлые годы тенденций, и учитывать пути распространения снимков.

Маркеры этнической культуры, долгое время бывшей под запретом или не поощряемой социальной политикой, восстановились в одежде и людям необходимо стало это фиксировать через фотографирование. В Туве, как и во многих постсоветских национальных регионах профессия фотографа не ушла в прошлое, она даже приобрела особую популярность для заказов специальных фотосессий свадеб, юбилеев, определенных мероприятий или просто для запечатления семьи.

Остановимся на двух тенденциях, явственно показывающих: во-первых, возврат этнической репрезентации тувинцев, причем даже в форме подчеркнутой демонстрации; во-вторых, также показывающих метод сборки большой, расширенной семьи тувинцев.

Рассмотрим тенденции на *фотографиях 14–16*, сделанных в разных локациях: в фотостудии, на природе и во время свадьбы. Денотативно они весьма схожи — во всех трех случаях семьи (почти все в национальной одежде) позируют статично для фотографа, глядя в объектив. Есть только некоторые различия в композиции, в локациях и, конечно, в составе семей.

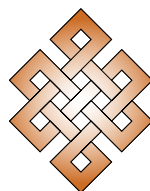
На *фотографии 14* мы видим подборку из трех фотографий семьи нынешнего главы республики В. Т. Ховалыга. Снимки были размещены в открытом доступе, в социальной сети ВКонтакте на странице В. Ховалыга в канун празднования тувинского Нового года по лунному календарю в 2012 г. и сопровождалась поздравлением всем землякам с праздником Шагаа.

Посмотрим на левую из фотографий, на которой изображена большая семья. Интересно то, что композиционно члены семьи образовали как бы три ступени: сидят на стульях сам глава семьи и его супруга, на коленях у него внучка, за ними стоят два их сына с невестками по центру, а впереди на полу сидят два маленьких мальчика — внука, подобрав под себя ноги и скрестив их.

Коннотативное значение фотографии раскрывается через визуальные лексии, которые усматриваются прежде всего в элементах одежды изображенных. Все одеты в национальные халаты — наплечную одежду — *тон* разных расцветок. В далеком прошлом такую одежду обычно тувинцы шили из шкур домашних и диких животных, из дешевых тканей; китайский шелк *торгу* для пошива одежды использовали только богатые (Ховалыг, 2018: 7). Современный шелк, разумеется, не делит тувинцев по уровню достатка, он доступен всем для заказа и пошива костюмов самых разных размеров и фасонов. На всех людях *тон* имеют ступенчатый вырез верхней части левой полы, который считается маньчжурским влиянием в тувинских национальных халатах. Он сначала присутствовал только у знати, а затем превратился в характерную деталь простонародной одежды (там же: 31). То есть одеяния главы республики и членов его семьи на данном фото не имеют особых отличий, указывающих на высокое социальное положение. У большинства запечатленных не видно обуви, но у мальчика, сидящего в центре впереди, видны спортивные кроссовки.

Головной убор самого В. Т. Ховалыга может указывать на его статус чиновника — на нем шапка с островерхой тульей и красным шариком на острие, впрочем не из драгоценного камня, как это было ранее в старой Туве (там же: 37), а явно из ткани. При этом, надо сказать, что подобная форма мужской шапки на сегодня достаточно распространена и ее носят, например, музыканты, артисты. Если же следовать строго канонам одежды чиновничества, то главный нойон (князь) носил не только шарик, причем из рубина, но и перо павлина. На одеянии нынешнего руководителя республики не заметно особого стремления повторять полностью старые традиции. Одна деталь — знак герба Тувы — на передней части шапки может подчеркивать государственный статус ее владельца, однако, этот знак мы можем встретить и на головных уборах артистов¹.

¹ Уважаемый Аян Сергеевич Ширижик! ... [Электронный ресурс] // Тувинский национальный оркестр. ВКонтакте. 2025, 24 сентября. URL: https://vk.com/feed?w=wall-32774879_17275 (дата обращения: 24.09.2025).

С наступающим Шагаа, дорогие земляки! Этот праздник – основа культуры тувинского народа. Сегодня его с нетерпением ждут и дети, и взрослые, начинают готовиться задолго до его наступления, как правило, за полмесяца, а кто и раньше. По обычаю принято встречать первый луч нового солнца вместе, традиционно приветствуя друг друга по обряду «чолукшууру» – ладонь к ладони. И угощения по обычаю тоже надо подносить друг другу. И в гости к родным ходить.

Фото 14. Фотографии семьи главы Тувы Вячеслава Товарищтаевича и Айланы Чечей-ооловны Ховалыгов с сыновьями, невестками и внуками в посте В. Т. Ховалыга ВКонтакте в связи с праздником Шагаа, 2012 г.¹

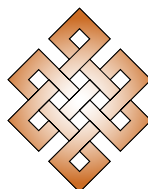
Photo 14. Photos of the family of the head of Tuva Vyacheslav Bakhtayevich and Ailana Chechey-oolovna Khovalygy with their sons, daughters-in-law and grandchildren in a post by V. T. Khovalygy on VKontakte in connection with the Shagaa holiday, 2012

У одного из сыновей политика, а также у двух внуков также на головах также есть шапочки с наверхиями *дошка* и отворотами из черной ткани с четырех сторон, которые называются *оваадай* (там же: 97) — самые распространенные у тувинцев начала XX в.

Женщины все без головных уборов, волосы уложены аккуратно, но без кос. Практически все члены семьи улыбки и выглядят очень дружелюбно.

Так, на *фотографии 14* мы видим представителей трех поколений современных тувинцев, которые подчеркивают свою этническую идентичность с помощью распространившихся в последнее время вариаций одежды тувинцев, не передающих точно старые традиции, но адаптированных в современных формах. Мы знаем, что члены семьи не носят эту одежду повседневно, они отмечают таким образом национальный праздник. В обычной же жизни все они — горожане, носят современную европейскую одежду, однако, есть ряд специальных дат, событий, когда для них считается важным не просто продемонстрировать свою этническую идентичность, а транслировать в тувинское общество свою приверженность традициям, в том числе крепкой семейственности. Не высокого положения, богатства, а прежде всего традиционной семейственности. Здесь надо добавить, что семья Ховалыгов в тувинском обществе действительно считается уважаемой, дружной. И, судя по словам А. Ч. Ховалыг, жены главы республики, офтальмолога по профессии, в одном из интервью, все чле-

¹ С наступающим Шагаа, дорогие земляки! [Электронный ресурс] // Владислав Ховалыг. 2022, 1 февраля. ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall360104045_14237 (дата обращения: 20.09.2025).

ны семьи, в том числе дети и внуки также ежедневно общаются с представителем четвертого поколения семьи — матерью А. Ч. Ховалыг, т. е. прабабушкой, которая находится на заслуженном отдыхе¹.

Интересен тот факт, что В. Т. Ховалыг — третий в постсоветское время руководитель республики, но именно такая трансляция сочетания этнической идентичности с традициями семейственности осуществляется им впервые.

Напомним, что первым руководителем республики, начиная с 1990-х гг., был Президент Тувы Ш. Д. Ооржак (1992–2002). Как писалось в СМИ в те годы, он прошел три инаугурации на свою должность. На первой в 1992 г. после клятвы президента он был облачен в национальную одежду (синий шелковый халат с серебряными узорами и головной убор с символом верховной власти амбын-нойона), на второй — в 1997 г. он также был в национальной одежде, но менее ярких цветов, но уже без нойонской шапки, на третьей — в 2002 г. на должности главы правительства — был уже в европейском костюме². Его биографическое интервью в книге «Люди Центра Азии» в 1997 г. сопровождается также семейными фотографиями, но только на одной из них президент в национальном халате — верхом на коне, во время общественного мероприятия³.

Вторым руководителем республики был председатель Правительства Республики Тыва — глава Тувы Ш. В. Кара-оол (2007–2021). Его инаугурация, как писала журналист Н. Антufьева, в 2007 г., содержала «европейскую и азиатскую» традиции: на площади Арата он был в национальном костюме (коричневый шелковый халат с безрукавкой, шапка с высокой тульей, красной тесьмой и красным шариком на верхушке), а в помещении муздраттеатра⁴ — уже в европейском костюме. Как мы отмечали с коллегами, Ш. В. Кара-оол давал три биографических интервью газете «Центр Азии» (в 1996, 2001 и 2009 гг.) (Ламажаа, Туймебаев, Шагимгереева, 2024: 48). Ни в одном из них нет фотографии его в национальной одежде, тем более — членов его семьи. В основном СМИ транслировали его одетым в тувинские одежды только во время общественных национальных праздников, например, Шагаа⁵ в окружении коллег, подчиненных, народа.

Тем самым, можно сказать, что В. Т. Ховалыг продолжил курс на трансляцию тувинской этнической культуры главами республики в одежде, но впервые подкрепляя это и демонстрацией традиций семейственности, когда в национальное одеты все члены его семьи.

Традиции семейственности в сочетании с национальными одеждами на сегодня стали весьма распространенной темой для семейных фотографий тувинцев 2010–2020-х гг.

Фотография 15 сделана на природе, во время одного из важнейших семейно-родовых мероприятий тувинцев — *дагылга*, обряда освящения определенных природных объектов на местах кочевков предков (Дагылга: тувинские ..., 2021). На фото изображена семья школьного водителя Мергена Чургуй-ооловича Кужугета, его супруги, учителя Айсуу Байыровны Кужугет и их четырех детей.

На снимке тоже такая же семейная группа из двух поколений, но стоящая на природе, в лесу. Можно также провести параллель между этой фотографией и «парковыми» фотографиями советского времени. Фоном подобных снимков, сделанных во время *дагылга*, обычно является тоже природа (лес, кустарники, трава), но при этом дикая. Обряды обычно проводят вдали от цивилизации. Настоящий снимок сделан в местечке Делег-Хол Бай-Тайгинского района, во время *дагылга* родственной группы Кужугет.

При том, что все члены семьи одеты в национальную одежду, обращают на себя внимание удобная современная обувь (кроссовки) на ногах людей, а также бейсболка на голове отца семейства.

¹ Первая Леди Тувы Айлана Ховалыг: «Любовь познается в семье» [Электронный ресурс] // SETKIL. 2021, 17 октября. ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-60699103_69713 (дата обращения: 20.09.2025).

² Антufьева Н. По одежке встречают, по уму — провожают [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2007, № 20. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2007/20/711-po_odyozhke_vstrechayut_po_umu.html (дата обращения: 20.09.2025).

³ Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антufьевой. М., 1998. Т. 1. С. 216.

⁴ Ныне — Национального музыкально-драматического театра им. В. Кок-оола Республики Тыва.

⁵ Поздравление Главы РТ Ш. В. Кара-оола с народным праздником Шагаа [Электронный ресурс] // RTyva. Youtube.com. 2014, 30 января. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7qkg2ZnxY8o> (дата обращения: 20.09.2025); Глава Тувы встретил с земляками первые лучи солнца Нового года и помолился за благополучие страны [Электронный ресурс] // RTyva. Youtube.com. 2016, 9 февраля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7qkg2ZnxY8o> (дата обращения: 20.09.2025).

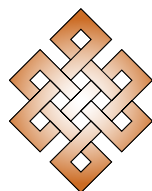

Фото 15. Семья Мергена Чургуй-ооловича и Айсуу Байыровны Кужугетов с четырьмя детьми в местечке Делег-Хол Бай-Тайгинского района, во время дагылга родственной группы Кужугет, июль 2025 г.

Фото С. Р. Монгуша.

Photo 15. The family of Mergen Churguy-oolovich and Aisuu Bayyrovna Kuzhuget with four children in the village of Al-Khol in the Bay-Taiga region, during the dagylga of the Kuzhuget related group, July 2025.

Photo by S. R. Mongush.

Современные тувинцы, при всем своем стремлении подчеркнуть тувинскую идентичность, тем не менее не утруждают себя полным облачением в национальную одежду, обувь и головные уборы, поскольку некоторые элементы традиционного одеяния могут быть неудобны, особенно на природе.

На последнем *фото 16*, которое мы рассмотрим, сочетаются также и современные мотивы одежды, и тувинские этнические элементы.

На снимке мы видим в центре невесту в белом свадебном пышном одеянии в окружении семьи. Обращает на себя внимание, что мужчина, женщина, а также две юные девушки и девочка, прижавшаяся к маме, одеты в одежду, стилизованную под тувинские национальные традиции: рубашка, блузы, блузы с юбками. Причем шелковая ткань, из которой пошиты одежды, одна, поэтому семья подчеркнуто одета одинаково, в единой цветовой гамме, и эти костюмы явно были специально пошиты для торжественных случаев.

Как мы знаем, на фото изображены Салим Кара-оолович Салчак, водитель, его супруга Долаана Маадыр-оловна Салчак, банковский работник, их четыре дочери разных возрастов, одна из которых выходит замуж и держит на коленях свою крошечную дочку, т. е. представительницу уже третьего поколения семьи.

У невест-тувинок сегодня стало весьма распространенным одеяние по национальным мотивам, но тем не менее мода на белые пышные платья не ушла в прошлое (Ламажаа, Майны, 2020: 416). Однако,

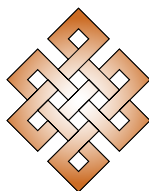

Фото 16. Семья Салима Кара-ооловича Салчака и Долааны Маадыр-ооловны Салчак с дочерьми (на свадьбе одной из них) и внучкой, 12 августа 2024 г. Фото из архива семьи.
Photo 16. The family of Salim Kara-oolovich Salchak and Dolaana Maadyr-oolovna Salchak with their daughters (at the wedding of one of them) and a granddaughter, August 12, 2024. Photo from the family archive.

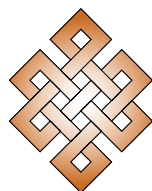
поскольку современная свадебная обрядность стала включать целый ряд мероприятий, в том числе и обряды сватовства, которые также проходят при участии представителей семей и родственных групп, то невесты имеют возможность продемонстрировать тувинские платья там. В частности, эта же невеста со снимка изображена во время келин айтырар 'обряда испрашивания невесты' вместе с женихом в тувинских национальных халатах тон из шелка одного цвета — на обложке журнала «Новые исследования Тувы» № 2 2023 г.¹

Данная фотография 16 вошла в подборку фотографий со свадьбы и была размещена в виртуальном фотоальбоме («облаке»). Доступ к нему молодожены разослали после мероприятия своим родственникам с предложением скачать фотографии, а также присоединиться к групповому заказу тиража фотоальбома, который планировалось сделать на основе отобранных снимков.

Отдельно также можно упомянуть о том, что стало востребованным не просто фотографирование семьи, состоящей из нескольких поколений, но и нескольких семей — представителей одного төрөл, төрөл бөлүк, аймак, т. е. рода, родственной группы — потомков одного предка (бабушки/дедушки или прабабушки/прадедушки). Часто такие снимки тувинцы делают во время родовых сборов на вышеупомянутых обрядах дагылга. Несколько примеров подобных фотографий, которые насчитывают несколько десятков человек, приведены в нашей книге «Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке»². Помимо одежды тувинцы на фотографиях также используют другие элементы традиционной культуры прошлого для того, чтобы продемонстрировать свою «тувинскость», этничность. Для этого используется часто интерьер юрты, внутри которой также есть традиционная мебелировка, обстановка интерьера.

¹ Новые исследования Тувы. 2023, № 2 [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/58> (дата обращения: 20.09.2025)

² Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / под ред. Ч.К. Ламажаа, Н.Д. Сувандии. Кызыл: Б. и., 2021. С. 149, 154, 159, 160, 163, 167, 171, 176, 179.

Семейные фотографии в последние годы приобрели особое значение для тувинцев, которые стремятся фотографировать свои семьи, желательно всех поколений (три и даже четыре), одетых в национальные халаты по типу традиционных тувинских — из покупного шелка самых разных расцветок. Для этих фотосессий также тщательно готовятся, даже заказывают одежды из определенной ткани, одного цвета для всех членов семьи. Поскольку речь идет не просто о снимке семьи, но о репрезентации семьи, то есть их образа, имеющего большое значение, связывающее людей с их культурными корнями, то это ответственное мероприятие требует профессионального взгляда — фотографа (Богданова, 2012: 100). Спрос на фотосессии развил заново сферу фотоуслуг, которая некогда завяла в первые постсоветские годы, и на этот раз фотографы уже специально выезжают на мероприятия, в нужные клиентам локации.

Изменения за XX век

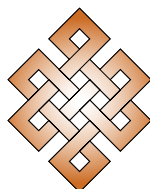
Описав отдельные примеры фотографий по выделенным периодам в истории тувинцев, сформируем общие выводы по всем периодам в единой логической цепи рассуждений.

Рассматривая только один вид социальной группы — семью, мы фактически работали с фотографиями одного жанра, на которых изображены люди, находящиеся в родстве, представители нескольких поколений. Денотативно такие фотографии вне зависимости от времени создания представляют не слишком большое разнообразие композиций: практически всегда люди стоят или сидят очень близко друг к другу, прижимаются плечами, маленькие дети могут сидеть на коленях родителей, старших родственников. Но коннотативное значение, которое раскрывается через анализ визуальных лексик (одежды, причесок, этнического состава изображенных, точнее визуально заметных фенотипов лиц, локаций), позволяет увидеть много закадровой информации. В том числе можно заметить несколько тенденций социокультурных изменений, которые происходили с тувинцами и их семьями за столетие, особенно если выстраивать снимки такого жанра в панораму десятилетий. Поэтому семейные фотографии также по праву называют «произведениями интертекстуальными, многослойными, сложными по своему структурному содержанию» (Демина, 2024: 62).

Фотографии семей тувинцев 1920–1940-х гг., т. е. досоветского и раннесоветского времени, показывают нам переломный момент, когда традиционный быт вот только что был, но буквально за десятилетие радикально изменился, был отброшен. В жизнь людей ворвались исторические события, включая войну; поменялась конфигурация строения общества (бывшие князья потеряли свой статус, место элиты заняла бывшая беднота, которая стала ориентироваться во всем на стиль жизни советского государства и сделала его повсеместным); появились межнациональные браки; люди стали одеваться совершенно иначе; жизнь младших поколений пошла по другому руслу, чем у их отцов, они стали заниматься такими профессиями, которых ранее не было в тувинском обществе. Многие старики чувствовали беспомощность, кто-то пытался подстроиться, а молодежь, в том числе как и полагается ей по возрасту, была полна решимости и новых надежд. Со всей очевидностью фотофактов тувинцы стали делиться на тувинцев «старой Тувы» и «новой» (советской), причем первые стали уходить с исторической сцены, от них даже физически избавлялись, а вторые стали активными строителями всех сфер жизни.

На фотографиях советского периода (1950–1980-х гг.) заметны тенденции нового общественного расслоения, которое связано с делением тувинцев на горожан и сельчан, при этом важным фактором более высокого статуса человека является его образование и, разумеется, принадлежность к партийной номенклатуре. Тувинцы при этом почти полностью лишились маркеров тувинской этнической культуры. Они поменяли стиль одежды на советский, перестав тем самым отличаться визуально от азиатского населения других регионов России. Поменялся их образ жизни, формы досуга; появилась новая советская обрядность. Национальная одежда стала или украшением профессии (у артистов), или осталась удобным, привычным одеянием в профессии немногочисленных чабанов-животноводов, при этом последние также использовали и другие элементы покупной одежды уже по мере необходимости.

Семейными фотографиями советских лет фиксируется нарушение внутрисемейных, внутриродовых связей, «рассыпание» тувинских семей на нуклеарные, двух поколенные, где были только родители и дети. Причем у них появилась новая советская обрядность в виде фотографирования, чаще всего в фотоателье. Иногда на снимках появлялись и бабушки, дедушки, дяди и тети, но в целом

общая тенденция на атомизацию семей и разрывы образа жизни очевидна. Причем, эта тенденция, визуализируемая на фотодокументах, подтверждается и исследованиями социокультурных практик. Та же С. М. Биче-оол отмечала появление новых видов досуга на селе, например, семейных концертов, которые начались в 1965 г. в одном из колхозов Барун-Хемчикского района, а затем распространились в других селах района и за его пределами. По мнению С. М. Биче-оол, они имеют «огромное воспитательное значение, оказывают влияние на формирование новых взаимоотношений между членами семьи, способствуют преодолению все еще имеющейся семейной замкнутости и в целом повышают культурный уровень населения»¹. Хотя исследователь писала об утверждении советских, идеологически правильных семейных отношений, сам факт того, что советская политика активно занималась перекройкой традиционных семейно-родственных отношений, давно известен и подтверждается также данными фотоисточниками.

Поскольку фотографии в советское время, выполняемые в государственных ателье, также являлись частью идеологической системы, то они стали репрезентировать советскость тувинцев, их соответствие стандартам советской культуры. В том числе начало семейной жизни отмечается в почти стандартных фотографиях бракосочетания тувинцев в ЗАГСе.

В межнациональных браках тувинцев с представителями других этносов, в основном с русскими, распространившимися с 1930-х гг., стали подрастать дети — метисы, которые стали создавать свои семьи уже к закату советского времени.

Территориальная локализация семейных фотографий большинства тувинцев связана с Тувой, поскольку миграция тувинцев за пределы республики была редким явлением, а фотографии из мест поездок (командировки, отдых, путешествия в другие города СССР, в том числе курортные) были доступны лишь очень ограниченному числу людей.

Семейные фотографии 1990–2000-х гг., сделанные после падения СССР, также демонстрируют ряд изменений как семейной, так и социальной жизни. Из социальных пространств фокус семейной жизни переместился в дом, при этом она сама перестала быть объектом внимания и регулирования внутренней политики государства. Фотодокументы открывают реальную семейную жизнь — на диване, за столом, во дворе, в свободных позах. Этому также способствовала увеличившаяся доступность фототехники и фотопечати.

Фотографии нам показывают и заграничные веяния моды в одежде, в прическах. С 1990-х гг. жители республики получили возможность больше ездить, путешествовать, в том числе семьями. Увеличилась география снимков. А с другой стороны появились и новые типы семей тувинцев с иностранцами.

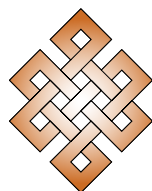
Снятие идеологических ограничений на выражение тувинской этнической идентичности привело и к появившемуся желанию людей носить национальную одежду. Она стала все больше появляться на семейных фотографиях. При этом цветная фотография и печать стали передавать все краски разнообразных орнаментов, расцветок шелка.

На фотографиях чаще появляются представители трех поколений, в том числе отдельно бабушки и дедушки со своими внуками, также и в тувинской национальной одежде. Тувинцы разных поколений уже ведут более-менее сходный образ жизни, между ними нет значительных разрывов в социализации, как в начале XX в. Тувинцы стали «склеивать» разорванные в прошлые десятилетия связи родства между поколениями. Эта тенденция освобождения семейной жизни от тотального контроля, от необходимости презентовать некие нормы единой внеэтнической социальной культуры, и тенденция на презентацию собственной этнической идентичности, которая наметилась на рубеже веков, в последующем — только усилилась.

Семейные фотографии тувинцев уже последних двух десятилетий (2010–2020-х гг.) безусловно имеют множество видов, жанров, состава, локаций. Доступность фотографирования, технологические новации, Интернет, виртуальная среда заметно разнообразили не только возможности создания снимков для семей. Они изменили также и функции самих фотографий.

Тувинцы стали не только фиксировать свои семьи для семейных альбомов, которые раньше были принято показывать, демонстрировать для всех гостей дома. Фотографии стало возможным

¹ Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве: дисс. ... канд. ист. н. Ленинград, 1974. С. 157.

выкладывав в социальных сетях, что позволило сделать их инструментами демонстрации своей семьи, семейной групповой идентичности далеко за пределы семейного и даже родственного, дружеского круга. В том числе своими фотографиями семьи в национальной одежде тувинцы, начиная с главы республики, транслируют, подчеркивают свою этничность, принадлежность к своей этнической культуре. Тот факт, что национальная одежда надевается чаще всего для национальных праздников, для отдельных торжественных случаев, а также для специальных фотосессий (хотя, конечно, сегодня тувинцев не удивить и будничным национальным нарядом), говорит нам о том, что фотографирование семьи в национальных одеждах стало восприниматься как специальный акт, равный торжеству, празднику, демонстрации, визуальной декларации.

Наличие на фотографии сегодня сразу нескольких поколений членов семьи понимается как метод сборки большой семьи. В далеком прошлом тувинцы проживали и хозяйствовали так вместе. Сегодня уже многие живут в квартирах, домах обособленно, встречаясь только посещая друг друга и на семейных мероприятиях, но фотографии с большим числом членов расширенной семьи и даже нескольких семей из одного рода, родственной группы создаются для репрезентации большой группы.

Таким образом, уходя в начале XX в. от своей этничности («тувинскости») тувинцы снова возвращаются к ней — подчеркнуто, демонстративно, всеми членами семьи, хотя это возвращение не полное, без возврата к кочевой жизни в юрте, без отказа от современных домов, удобств, технологий. Тем не менее это не только визуальная декларация в виде одежды, это и возвращение связей в большой семье, родовой группе, что происходит и другими путями, в частности при помощи современных технологий общения — виртуальных чатов, мессенджеров (Ламажаа, 2021b).

Помимо всего прочего, по рассмотренным фотографиям, а также по изученным, можно сказать об *изменениях функций фотографий*, и способа взаимодействия фотографируемых тувинцев с фотографом. В начале XX в. тувинцы были пассивными объектами фотографирования. В советское время фотографирование превратилось в один из новых семейных обрядов, а сами фотографии делались для сохранения семейной памяти. Люди превратились в активных участников процесса съемки, которые понимают для чего им это надо и рассматривают в том числе фотографии как способ или зеркало самопрезентации (Богданова, 2012: 101). В XXI в. фотографии стали пониматься как способ репрезентации этнической идентичности, личного богатства в виде семьи, ее состава, а каналами для их репрезентации стали социальные сети, Интернет.

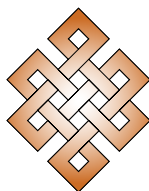
Безусловно, рассмотренная нами панорама визуальных источников — семейных фотографий тувинцев — протяженностью в век, не может считаться уникальной в тенденциях. Подобную картину можно увидеть и в других национальных регионах России, а возможно и в ряде стран СНГ. И отдельные исследования фотографий и повседневной жизни людей, которые переживали советский период истории, менялись под воздействием политики государства, избавлялись от политизации и пр. — выходили и продолжают выходить у наших коллег, правда, в основном эпизодами, отдельными историческими периодами (Круткин, 2005; Калачева, 2012; Абилова, 2015, 2022; Пивнева, 2018; Никитина, Никифорова, 2020; Базаров, Дашибалова, 2021 и др.). В нашем же случае мы впервые попытались реконструировать вековую панораму.

Заключение

Таким образом, мы проанализировали семейные фотографии тувинцев, жителей Тувы, на протяжении века, начиная с 1920-х годов и до 2020-х гг., рассматривая их и денотативное, и коннотативное значения, т. е. их формы и содержание. Исследование с вековой перспективой, хотя и выстроенное в формате обсуждения только неких вех, позволяет видеть основные социокультурные изменения в жизни тувинцев и их семей.

Как удачно сказал В. Л. Круткин, «вот уже более полутора веков фотографии наблюдают за миром, но наблюдения за фотографией заметно отстают»¹. Это же справедливо для фотографий Тувы, история которых насчитывает более века, но которые сами долгое время оставались за полем внимания исследователей.

¹ Круткин В. Л. Фотография на границах культур // Визуальные аспекты культуры — 2006. Сборник научных статей / под ред. В. Л. Круткина, Т. А. Власовой. Ижевск, 2006. С. 117.

В тувиноведении, которое, как мы уже подчеркивали, к сожалению, больше обращено к далекому прошлому, чем к недавнему, а уж тем более — к настоящему (Ламажаа, 2021а: 5–6), и в визуальных исследованиях больше значения приобрели фотоколлекции В. П. Ермолаева, которые показывают «старую», дореволюционную, досоветскую Туву, а также то, как она менялась. Однако, это фотодокументы только начала XX в. Фотографии, показывающие жизнь тувинцев в последующие годы, есть не только в архивах общественных. Они есть и в семейных фотоальбомах у тысяч семей, они публиковались в местных СМИ. Причем, как мы видим, по ним также можно увидеть жизнь тувинцев, историю их повседневности, моду, предпочтения в одежде, формы досуга, а также отношение к фотографии.

Несмотря на нашу попытку «прочитать» каждое из выбранных фотографий со всем вниманием к деталям, можно сказать, что все равно мы прошли по ним довольно «поверхностно», поскольку углубленный взгляд по снимкам каждого периода в их многообразии типов, композиций и локаций позволит увидеть еще больше. Поэтому данное исследование лишь задает общий вектор для дальнейших изысканий.

Благодарности

Авторы статьи благодарят многочисленных респондентов, которые помогали нам восстанавливать истории семейных фотографий, делились ими, дали разрешение на их публикацию. Спасибо главному редактору газеты «Центр Азии», издателю серии книг «Люди Центра Азии» Надежде Мухарбековне Антупьевой за разрешение использовать материалы книг. Выражаем признательность руководству Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва за разрешение опубликовать выбранные нами фотографии В. П. Ермолаева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абилова, Р. О. (2015) «Они всегда со мной»: к истории настенного фотоальбома // Вестник Чувашского университета. № 4. С. 5–10.

Абилова, Р. О. (2022) Детство в сельской «глубинке» сквозь призму семейных фотоальбомов // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве: сборник статей по материалам Международной научной конференции (г. Казань, 27–28 октября 2022 г.) / отв. ред. И. И. Ханипова. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 436 с. С. 274–285.

Айыжы, Е. В., Мандан-Хорлу, М. М., Монгуш, А. Ч. (2019) Коллекция В. П. Ермолаева как этнографический источник изучения материальной и духовной культуры тувинского этноса // Oriental Studies. № 4. С. 669–681. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681>

Базаров, А. А., Дашибалова, И. Н. (2021) «Проявленная» этничность в семейных фотоальбомах бурят // Власть. Т. 29. № 4. С. 226–231.

Барт, Р. (1989) Избранные работы. Семиотика. Поэтику : пер. с фр. М. : Прогресс. 616 с.

Барт, Р. (2011) Camera lucida. Комментарий к фотографии ; пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. М. : ООО «Ад Маргинем Пресс». 272 с.

Биче-оол, С. М. (1970) Новый быт в тувинской деревне // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XIV / отв. ред. Ю. Л. Аранчин. Кызыл : Типография управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Тувинской АССР. 304 с. С. 26–38.

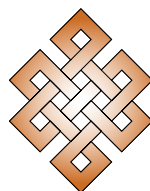
Богданова, Н. М. (2012) Фотография как инструмент социологического анализа практик конструирования визуальной самопрезентации // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 15. № 2. С. 98–113.

Бойцова, О. Ю., Орех, Е. А. (2016) От светлой одежды — к светлому будущему: дискурс о цвете детской одежды в СССР в 1950–80-х гг. // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 6. С. 6–15.

Визуальная антропология: настройка оптики (2009) / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ. 296 с.

Визуальная антропология: российское поле (2012) : Материалы конференции в рамках VI Московского международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник», 8–12 октября 2012 г. / ред.: Е. В. Александров, Е. С. Данилко. М. : ИЭА РАН. 202 с.

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.

Демина, Д. О. (2024) Семейный фотоальбом как визуальный нарратив // Вестник РГТУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». № 7. С. 55–71. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-7-55-71>

Долгунцева, Д. А., Курило, П. А. (2022) История создания и техническое Описание первого крупносерийного советского фотоаппарата «Фотокор» // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. № 1. С. 24–29.

Доржу, З. Ю. (2019) Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Тыве (на примере национально-смешанных семей) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 144–156. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>

Дугар-Сурун, А. М. (2013) История Республики Тыва в архивных фотодокументах очевидца В. П. Ермолаева // Первые Республиканские Ермолаевские чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева. Кызыл, 9–10 октября 2012 г. : сборник материалов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 240 с. С. 18–21.

Дыртык-оол, А. О. (2013) Исторические фотографии В. П. Ермолаева в коллективных монографиях Тувы // Первые Республиканские Ермолаевские чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева. Кызыл, 9–10 октября 2012 г. : сборник материалов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 240 с. С. 38–41.

Калачева, И. И. (2012) Фотографии как источник для реконструкции повседневности белорусской семьи в советский и постсоветский периоды // Визуальная антропология: российское поле. Материалы конференции в рамках VI Московского международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник», 8–12 октября 2012 г. / ред.: Е. В. Александров, Е. С. Данилко. М. : ИЭА РАН. 202 с. С. 66–83.

Клеменс, Я. (2016) Фотография после фотографии после фотографии // Studia Culturae. Вып. 2 (28). С.188–194.

Круткин, В. Л. (2005) Антропологический смысл фотографий семейного альбома // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. VIII. № 1. С. 171–178.

Ламажаа, Ч. К. (2021a) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021b) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. Т. 13. № 2. С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б., Кужугет, Ш. Ю. (2024) Тувинский семейный фотоальбом: социальные практики создания и хранения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. Т. 23. № 1. С. 86–97. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-86-97>

Ламажаа, Ч. К., Туймебаев, Ж. К., Шагимгереева, Б. Е. (2024) «Люди Центра Азии» как научный источник // Новые исследования Тувы. № 1. С. 39–54. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3>

Монгуш, О. О. (2013) Фотографии В. П. Ермолаева как исторический источник // Первые Республиканские Ермолаевские чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева. Кызыл, 9–10 октября 2012 г. : сборник материалов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 240 с. С. 42–45.

Мунге, Б. В. (2019) Фотографии В. П. Ермолаева в фондах Государственного архива Республики Тыва: состав и использование // Ермолаевские чтения. № 3. С. 153–156. DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2019-156-159>

Никитина, А. К., Никифорова, С. В. (2020) История одной фотографии (опыт визуально-антропологического анализа) // Вестник СВФУ. № 1. С. 29–40.

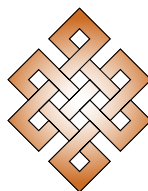
Новая история фотографии (2008) / под ред. М. Фризо : пер. с фр., англ., нем. М. : А. Г. Наследников. 338 с.

Нуркова, В. В. (2006) Зеркало с памятью. Феномен фотографии. Культурно-исторический анализ. М. : РГТУ. 287 с.

Паштекова, М. (2015) Спасите фотографию! Эпоха постфотографии и принятие осиротевших фотографий // Studia Culturae. Вып. 3. С. 12–20.

Печурина, А. В. (2007) Визуализация социальных исследований: новые данные или новые знания // Социологический журнал. № 3. С. 81–89.

Печурина, А. В. (2010) Увидеть необычное в обычном: исследования семейной фотографии // Социологический журнал. № 2. С. 92–97.

Пивнева, Е. А. (2018) Фоторепрезентации этнической культуры обских угров // Вестник угроведения. Т. 8. № 4. С. 716–728.

Пригарин, А. (2011) Фотография в культуре и культура в фотографиях: о своеобразии этнографического типа источников // Журнал этнологии и культурологии. Revista de Etnologie Şi Culturologie. Vol. IX–X. С. 84–92.

Рождественская, Е. Ю. (2008) Перспективы визуальной социологии // Социологический журнал. № 4. С. 70–83.

Романов, П., Ярская-Смирнова, Е. (2007) Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов : Научная книга. 528 с. С. 146–168.

Сергеева, Н. М., Четырова, Л. Б. (2022) Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте быта в начале XX века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 257–275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>

Смирнова, Т. Б., Киссер, Т. С. (2020) Этничность российских немцев в фотографиях: видимые образы и скрытые смыслы // Уральский исторический вестник. № 3. С. 45–54.

Ховалыг, Р. Б. (2018) Тувинская традиционная одежда. Новосибирск : Наука ; НГОПО Союз писателей России. 336 с.

Чалфен, Р. (2010) Семейные фотографии как коммуникация посредством изображений // Социологический журнал. № 2. С. 98–118.

Черняева, Н. А. (2025) Визуальные образы фронта: фотографии Тывы и тувинцев из экспедиции П. Е. Островских 1897 года собрания МАЭ РАН (Кунсткамера) // Журнал фронтирных исследований. № 3. С. 77–107. DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v10i3.753>

Чжан Жуян, Забияко, А. А. (2019) Нарративизация семейных фотоколлекция в поисках исторической памяти и этнической самобытности русских Трехречья // Традиционная культура. Т. 20. № 4. С. 74–86.

Штомпка, П. (2007) Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М. : Логос. 168 с.

Штомпка, П. (2009) В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот социологии // Социологические исследования. № 8. С. 3–12.

Эфендиева, А. О. (2023) Фоторетроспектива городского оазиса: Национальный парк культуры и отдыха Республики Тыва // Сибирский антропологический журнал. Т. 7. № 3. С. 54–59.

Эфендиева, А. О. (2024) Визуализация экспедиционных и археологических исследований на территории Тувы в фотографиях В. П. Ермолаева (первая половина XX века) // Северные архивы и экспедиции. Т. 8. № 4. С. 74–83.

Gillian, R. (2003) Family Photographs and Domestic Spacings: A Case Study // Transactions of the Institute of British Geographers. Vol. 28. № 1. P. 5–18.

Hudgins, N. (2010) A historical approach to family photography: class and individuality in Manchester and Lille, 1850-1914 // Journal of Social History. Vol. 43. № 3. P. 559–586.

Pandey, K. P. (2016) How Useful Photography is in Sociological Researches on Ethnic Identity Studies? // Himalayan Journal of Sociology & Anthropology. Vol. VII. P. 75–95.

Sandbye, M. (2014) Looking at the family photo album: a resumed theoretical discussion of why and how // Journal of Aesthetics & Culture. Vol. 6. Issue 1. Article 25419. DOI: <https://doi.org/10.3402/jac.v6.25419>

Дата поступления: 12.09.2025 г.

Дата принятия: 30.09.2025 г.

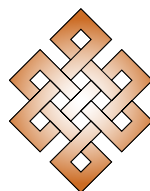
REFERENCES

Abilova, R. O. (2015) They are always with me: on the history of the wall photo album. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, no. 4, pp. 5–10. (In Russ.)

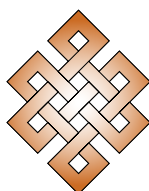
Abilova, R. O. (2022) Childhood in the rural “hinterland” through the prism of family photo albums. In: I. I. Khanipova (ed.). *Social and National in Soviet Culture: To the 65th Anniversary of the Decade of Tatar Art and Literature in Moscow*. Proceedings of the International Scientific Conference (Kazan, 27–28 October 2022). Kazan, Sh. Marjani Institute of History. 436 p. Pp. 274–285. (In Russ.)

Ayyzhy, E. V., Mandan-Khorlu, M. M., Mongush, A. Ch. (2019) V. P. Yermolaev’s Collection as an Ethnographic Source for Studies of Tuvan Material and Spiritual Culture. Part 1. *Oriental Studies*, no. 4, pp. 669–681. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681>

Bazarov, A. A., Dashibalova, I. N. (2021) Manifested ethnicity in family photo albums of the Buryats. *Vlast’*, vol. 29, no. 4, pp. 226–231. (In Russ.)

- Barthes, R. (1989) *Selected Works. Semiotics. Poetics*, trans. from French. Moscow, Progress. 616 p. (In Russ.)
- Barthes, R. (2011) *Camera lucida: Reflections on Photography*, trans., afterword, and commentary by M. Rykline. Moscow, Ad Marginem Press. 272 p. (In Russ.)
- Biche-ool, S. M. (1970) New way of life in a Tuvan village. In: Yu. L. Aranchyn (ed.), *Scientific Notes of TNIIALI*. Issue XIV. Kyzyl, Typography of the Directorate for Publishing, Printing and Book Trade. 304 p. Pp. 26–38. (In Russ.)
- Bogdanova, N. M. (2012) Photography as an instrument of sociological analysis of practices for constructing visual self-presentation. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsial'noi Antropologii*, vol. 15, no. 2, pp. 98–113. (In Russ.)
- Boytsova, O. Yu., Orekh, E. A. (2016) From light clothing – to a bright future: discourse on the color of children's clothing in the USSR, 1950–1980s. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 6, pp. 6–15. (In Russ.)
- Visual Anthropology: Setting the Optics* (2009), ed. by P. Romanov and E. Yarskaya-Smirnova. Moscow, Variant, CSPGI. 296 p. (In Russ.)
- Visual Anthropology: The Russian Field* (2012): Proceedings of the conference at the VI Moscow International Festival of Visual Anthropology 'Camera-Mediator', 8–12 October 2012, ed. by E. V. Aleksandrov and E. S. Danilko. Moscow, IEA RAN. 202 p. (In Russ.)
- Dagylga: Tuvan Rituals of Blessing in the 21st Century* (2021), ed. by Ch.K. Lamajaa and N.D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ.)
- Demina, D. O. (2024) The family photo album as a visual narrative. *Vestnik RGGU. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies*, no. 7, pp. 55–71. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-7-55-71>
- Dolguncova, D. A. and Kurilo, P. A. (2022) History of creation and technical description of the first mass-produced Soviet camera "Fotokor". *Osnovnye tendentsii gosudarstvennogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost'*, no. 1, pp. 24–29. (In Russ.)
- Dorzhu, Z. Yu. (2019) Interethnic interaction between Russians and Tuvans in Soviet and post-Soviet Tuva (on the example of nationally mixed families). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 144–156. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>
- Dugar-Surun, A. M. (2013) History of the Republic of Tyva in archival photographic documents of eyewitness V. P. Ermolayev. In: U. B. Nurzat (comp.). *First Republican Ermolayev Readings dedicated to the 120th anniversary of the birth of the first director of the National Museum of the Republic of Tuva Vladimir Petrovich Ermolayev*. Kyzyl, 9–10 October 2012: collection of materials. Kyzyl, KCO 'Anyak' Printing. 240 p. Pp. 18–21. (In Russ.)
- Dytryk-ool, A. O. (2013) Historical photographs by V. P. Ermolayev in collective monographs of Tuva. In: U. B. Nurzat (comp.). *First Republican Ermolayev Readings dedicated to the 120th anniversary of the birth of the first director of the National Museum of the Republic of Tuva Vladimir Petrovich Ermolayev*. Kyzyl, 9–10 October 2012: collection of materials. Kyzyl, KCO 'Anyak' Printing. 240 p. Pp. 38–41. (In Russ.)
- Kalacheva, I. I. (2012) Photographs as a source for reconstruction of the everyday life of Belarusian families in Soviet and post-Soviet periods. In: E. V. Alexandrov, E. S. Danilko (eds.). *Visual Anthropology: The Russian Field*. Proceedings of the conference at the VI Moscow International Festival of Visual Anthropology "Camera-Mediator", 8–12 October 2012. Moscow, IEA RAN. 202 p. Pp. 66–83. (In Russ.)
- Klemens, Ya. (2016) Photography after photography after photography. *Studia Culturae*, issue 2 (28), pp. 188–194. (In Russ.)
- Krutkin, V. L. (2005) Anthropological meaning of family album photographs. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsial'noi Antropologii*, vol. VIII, no. 1, pp. 171–178. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2021a) *Essays on contemporary Tuvan culture*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 192 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Social culture of Tuvans and online space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Lamazhaa, Ch. K. and Mayny, Sh. B. (2020) Wedding rituals of Tuvans: from the establishment of family ties to social presentation. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 405–421. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>
- Lamazhaa, Ch. K., Mayny, Sh. B. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2024) Tuvan family photo album: social practices of creation and preservation. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, vol. 23, no. 1, pp. 86–97. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-86-97>
- Lamazhaa, Ch. K., Tuymebaev, Zh. K. and Shagimgereeva, B. E. (2024) People of Central Asia as a scientific source. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 39–54. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3>

Mongush, O. O. (2013) Photographs by V. P. Ermolayev as a historical source. In: U. B. Nurzat (comp.). *First Republican Ermolayev Readings dedicated to the 120th anniversary of the birth of the first director of the National Museum of the Republic of Tyva Vladimir Petrovich Ermolayev*. Kyzyl, 9–10 October 2012: collection of materials. Kyzyl, KCO 'Anyak' Printing. 240 p. Pp. 42–45. (In Russ.)

Munge, B. V. (2019) Photographs of V.P. Ermolayev in the collections of the State Archive of the Republic of Tuva: composition and use. *Ermolaevskie Chteniya*, no. 3, pp. 153–156. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2019-156-159>

Nikitina, A. K. and Nikiforova, S. V. (2020) The history of one photograph (a visual-anthropological analysis). *Vestnik SVFU*, no. 1, pp. 29–40. (In Russ.)

New History of Photography (2008), ed. by M. Frizo, trans. from French, English, German. Moscow, A. G. Naslednikov. 338 p. (In Russ.)

Nurkova, V. V. (2006) *Mirror with Memory. The Phenomenon of Photography: Cultural-Historical Analysis*. Moscow, RGGU. 287 p. (In Russ.)

Pashtekova, M. (2015) Save the photograph! The era of post-photography and the adoption of orphaned photographs. *Studia Culturae*, issue 3, pp. 12–20. (In Russ.)

Pechurina, A. V. (2007) Visualization of social research: new data or new knowledge. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, no. 3, pp. 81–89. (In Russ.)

Pechurina, A. V. (2010) Seeing the unusual in the ordinary: studies of family photography. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, no. 2, pp. 92–97. (In Russ.)

Pivneva, E. A. (2018) Photorepresentations of the ethnic culture of the Ob Ugrians. *Vestnik Ugrovedeniya*, vol. 8, no. 4, pp. 716–728. (In Russ.)

Prigarin, A. (2011) Photography in culture and culture in photography: on the peculiarities of the ethnographic type of sources. *Zhurnal Etnologii i Kulturologii / Revista de Etnologie Şi Culturologie*, vol. IX–X, pp. 84–92. (In Russ.)

Rozhdestvenskaya, E. Yu. (2008) Perspectives of visual sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, no. 4, pp. 70–83. (In Russ.)

Romanov, P. and Yarskaya-Smirnova, E. (2007) Landscapes of memory: an experience of reading photo albums. In: E. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov and V. Krutkin (eds.). *Visual Anthropology: New Views on Social Reality*. Saratov, Nauchnaia Kniga. 528 p. Pp. 146–168. (In Russ.)

Sergeeva, N. M. and Chetyrova, L. B. (2022) Visual representation of Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of daily life at the beginning of the 20th century. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 257–275. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>

Smirnova, T. B. and Kisser, T. S. (2020) Ethnicity of Russian Germans in photographs: visible images and hidden meanings. *Uralskii Istoricheskii Vestnik*, no. 3, pp. 45–54. (In Russ.)

Khovalyg, R. B. (2018) *Tuvan Traditional Clothing*. Novosibirsk, Nauka; NGOPU Soyuz Pisatelei Rossii. 336 p. (In Russ.)

Chalfen, R. (2010) Family photographs as communication by means of images. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, no. 2, pp. 98–118. (In Russ.)

Chernyaeva, N. A. (2025) Visual images of the frontier: photographs of Tuva and Tuvans from the 1897 expedition of P. E. Ostrovskikh from the MAE RAS (Kunstkamera) collection. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*, no. 3, pp. 77–107. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v10i3.753>

Zhang Zhuyuan and Zabyako, A. A. (2019) Narrativisation of family photo collections in search for historical memory and ethnic identity of the Russians of Sanjiang. *Traditsionnaya Kul'tura*, vol. 20, no. 4, pp. 74–86. (In Russ.)

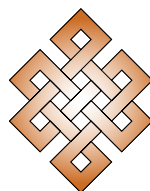
Sztompka, P. (2007) *Visual Sociology. Photography as a Method of Research*. Moscow, Logos. 168 p. (In Russ.)

Sztompka, P. (2009) Everyday life in focus. A new turn in sociology. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 8, pp. 3–12. (In Russ.)

Efendiyeva, A. O. (2023) Photoretrospective of the urban oasis: National Park of Culture and Recreation of the Republic of Tuva. *Sibirskii Antropologicheskii Zhurnal*, vol. 7, no. 3, pp. 54–59. (In Russ.)

Efendiyeva, A. O. (2024) Visualization of expeditionary and archaeological research in Tuva through the photographs of V.P. Ermolayev (first half of the 20th century). *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*, vol. 8, no. 4, pp. 74–83. (In Russ.)

Gillian, R. (2003) Family Photographs and Domestic Spacings: A Case Study. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 28, no. 1, pp. 5–18.

Hudgins, N. (2010) A historical approach to family photography: class and individuality in Manchester and Lille, 1850-1914. *Journal of Social History*, vol. 43, no. 3, pp. 559–586.

Pandey, K. P. (2016) How Useful Photography is in Sociological Researches on Ethnic Identity Studies? *Himalayan Journal of Sociology & Anthropology*, vol. VII, pp. 75–95.

Sandbye, M. (2014) Looking at the family photo album: a resumed theoretical discussion of why and how. *Journal of Aesthetics & Culture*, vol. 6, issue 1, article 25419. DOI: <https://doi.org/10.3402/jac.v6.25419>

Submission date: 12.09.2025.

Acceptance date: 30.09.2025.